



Майарана Мистеру

Подари мне второй шанс

«Литнет»

2026

Мистеру М.

Подари мне второй шанс / М. Мистеру — «Литнет», 2026

ОДНОТОМНИК Моим телом хладнокровно расплатились за благополучие чужого дома, бросив в постель к дракону ради дорогой чешуи. Мой муж и свекровь считают меня лишь бесправной пешкой, пока сами втайне готовят ложное обвинение в измене для моего отца. Они уже убили меня и моего шестимесячного сына в прошлой жизни, но жестоко просчитались: я вернулась из мертвых, чтобы вернуть своего ребенка и уничтожить этот лицемерный змеиный клубок изнутри.

© Мистеру М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	58
Глава 13	61
Глава 14 (Дориан)	64
Глава 15	67
Глава 16	69
Глава 17	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

Я проснулась от сквозняка. Тонкая полоска холода неприятно скользнула по шее.

Села в кровати. Голова была тяжёлой и гулкой, веки разлеплялись с трудом, горячие, будто ошпаренные. Во рту было сухо и солоно.

Отца казнили вчера на рассвете, и весь день я провела в подушку, до рвоты и полного опустошения, пока к ночи меня не свалило. Платок так и остался в кулаке, мокрым комком.

Супруга в постели не было, что, собственно, не редкость.

Дверь спальни была прикрыта неплотно, и из щели тянуло холодом большого пустого коридора, в котором ночью не должно быть никого. Рядом, в плетёной люльке, спал Тео, уткнувшись носом в стиб собственного локтя. Он тоже намучился: от моих слёз молоко почти ушло, весь день он капризничал и брал грудь с плачем. Полгода ему, а он уже спит, как взрослый, подложив под голову что подвернулось.

Из-за угла коридора слышались тихие голоса.

Первый был мягкий, надменно-вежливый. Мой муж злился именно так. Второй, сладкий и вкрадчивый, принадлежал Корнелии.

Я прошла босиком по ледяному паркету два шага, третий сделала осторожно. Ладонь легла на косяк.

— ...всё прошло гладко, — говорила Корнелия. Тихо, но пустой коридор нёс каждое слово. — Приговор огласили при гарнизоне, ни один офицер не усомнился. Люциан сказал, бумаги были безупречны. Ещё бы: он готовил их полгода. Наместника больше нет, милый. Теперь можешь выдохнуть.

Полгода.

Я стояла, вцепившись в косяк. Вчера я выла в подушку и торговалась с небом: пусть это будет ошибка. Отец не мог изменить короне. А если мог? Я не знала. И верить в это не хотела.

Но... такого я даже представить не могла.

Внутри всё оборвалось. Утром его казнили. Вечером мне подавали бульон и советовали беречь себя для Тео.

— Должность? — спросил Дэмиан прохладно.

— Твоя. Утвердят после траура, Люциан уже занимается. Осталась одна забота, милый.

— Селестина отказала мне, матушка. — В его голосе прорезалось что-то живое, впервые за разговор. — Она сказала, что не пойдёт за мужчину с наследником.

— Я слышала.

— Развод не поможет. Тео останется моим наследником, разведусь я или нет.

— Кто говорит о разводе? — Звонко щёлкнул её веер. — Ты овдовеешь, милый. Тихо и прилично: молодая леди сгорела от горя по отцу-изменнику, младенец ушёл следом, слабенький был. Никто не удивится, все только вздохнут. Сайлас знает, что делать.

Меня затрясло. Пол был ледяным, а спина взмокла, и рубашка липла к ней.

— Обоих? — спросил Дэмиан.

— Ты сам сказал: за мужчину с наследником она не пойдёт. За вдовца без наследника пойдёт.

Я закусила губу, сдерживая всхлип. Сердце загрохотало в груди.

Больно.

Как же так... Я ведь искренне его полюбила, я... я... я на всё ради него готова была, даже отдать первую ночь дракону.

Боги!

— Пусть так, — сказал Дэмиан. — Но твой любовник часто действует топорно, мама. Не травить их надо, это слишком много вопросов вызовет.

Поверить не могу!

— Мы это обдумаем, сын.

Дальше они обсуждали креп: сколько недель траура прилично выдержать до новой помолвки. Я отступила от двери. Пальцы разжались с трудом, белые от собственной хватки.

Тео во сне поднял руку, сжал кулачок, разжал.

Он был тёплый, тяжёлый, пах молоком и солнцем. Проснулся, посмотрел на меня и улыбнулся. Зуб у него прорезался один, нижний левый, и улыбка выходила кривая. Я улыбнулась в ответ. Потом взяла плащ, горсть золотых из шкатулки у зеркала и первые попавшиеся сапоги. Сапоги были малы. Но это не имело значения.

Чёрный ход вёл через кухню, где пахло хлебом и печным дымом, и от этого мирного запаха у меня свело горло. Дверь была смазана и открылась беззвучно. В этом доме всё было хорошо устроено.

На улице висела изморось, мелкая и частая, похожая на мокрый туман. Я вышла боковой калиткой, которой пользовались прачки, и переулком выбралась на северный тракт.

На север, в вейловские земли. Отца больше нет, но там оставались люди матери. Больше идти было некуда.

Я шла до света и потом весь день, просёлками, обходя постоянные дворы. Плащ намок и бил по ногам. Тео я несла на одной руке, другой придерживала подол. Он спал, просыпался, ел и снова спал, ему было всё равно, куда его несут, лишь бы несли. К сумеркам, когда небо стало серым, а лес чёрным, я вышла к опушке.

Дом стоял у самого ельника, низкий, с трубой, из которой ровным столбом поднимался дым. На двери темнел кованый знак, герб дальней вейловской деревни, откуда родом была моя мать. Она рисовала мне его на бумаге, когда мне было пять.

Я постучала.

Открыла старуха, маленькая и сухая, в платке, повязанном низко на лоб. Посмотрела на меня, на Тео, снова на меня.

— Леди. — Она тут же отошла от двери.

Внутри пахло печью и сушёной мятой. Старик у стола поднялся молча, не кланяясь, и поставил табурет.

— Вейл, — сказал он жене. — Черты лица наши.

Род отца был довольно стар, и в этой деревне у него живёт много дальней родни. Он рассказывал, что все мы между собой неуловимо схожи внешне, и это очень отличает наш род от других.

— Вижу, — ответила она.

Меня посадили к печи. Тео развернули, осмотрели, вернули. Женщина поставила передо мной тёплое молоко, хлеб, сыр. У меня руки тряслись, хлеб крошился в пальцах. Я не могла их остановить, и мне было стыдно.

— Мне нужно дальше, — сказала я. — Сегодня же.

— Ночью на дороге тебе смерть, — отрезала старуха. — Развезло. Утром возьмём у соседей лошадь. До утра отдохни, поспи и малыша пригрей.

Я хотела возразить, но посмотрела на Тео. Он сидел у неё на коленях, тянул её за палец и улыбался криво, одним зубом.

— До утра, — согласилась я.

Старик подбросил дров. Огонь загудел и осел. Плащ на мне медленно сох, в печи трещало, за окном стоял мокрый лес. Я думала, что доеду.

И ошиблась.

Фонарь я увидела из окна. Один фонарь в руке идущего человека и два силуэта за ним. Он шёл не по дороге, а через поле, прямо к дому, не сворачивая. Дорога на север одна, и спрашивать обо мне было у кого.

Я подскочила.

— Гаси свет, — сказал старик жене, проследив мой взгляд.

— Поздно, — сказала я. — Это за мной.

Старуха посмотрела на меня, потом на Тео у себя на коленях.

— Уходи с младенцем. Через заднюю дверь, в ельник. Я задержу.

— А как же вы?

— Да на кой мы ему, — сказала она. — Уходи.

Я не успела.

Дверь толкнули снаружи, не постучав. Петли неприятно скрипнули, и этот звук поцарапал слух.

Первым вошёл невысокий широкий мужчина без плаща. С него текло на порог. Фонарь он поставил на стол, и свет стал жёлтым и неровным. Двое встали у двери, по одному у каждого косяка.

— Леди Эшфорд, — сказал он. Голос был глухой и без интонации. — Моё имя Сайлас. Госпожа Корнелия послала за вами с Тео. Собирайтесь.

— Я пойду. — Я встала между ним и печью. — Сама пойду. Только ребёнка оставьте здесь, он ни при чём.

— Нет.

Он шагнул к старухе. Я успела раньше, встала между ними.

— Не тронь их.

Замаха я не увидела. Щёку обожгло, пол качнулся и ударил в колени. Во рту стало солоно, в ушах звенело, и сквозь звон где-то закричал Тео.

Меня поднял за локоть один из двоих у двери, развернул, держал. От него пахло мокрой шерстью и потом.

Сайлас забрал Тео у старухи. Она не отдавала, прижимала его к себе и отступала к стене, но он разжал её пальцы, один за другим, без усилия, и передал ребёнка своему человеку. Тео выгнулся, тянулся через чужое плечо ко мне, растопырив пальцы, с красным от крика лицом. Я рванулась. Локоть вывернули выше, и я осталась стоять.

Старика коротко ударили, и он упал. Что было со старухой, я не хочу описывать. Это длилось секунду.

Потом стало тихо. Только Тео плакал у стены, лицом в чужое плечо.

Сайлас подошёл ко мне и посмотрел в лицо. Глаза у него были маленькие и пустые, словно у этого человека не было ничего живого внутри. Он смотрел на меня, как на вещь, которую надо сдать по описи.

— Ребёнка, — сказала я. — Умоляю. Он никому не помешает, он ничего не запомнит, ему полгода. Оставьте его здесь. Я пойду, я не закричу. Оставьте ребёнка.

— Об этом, — сказал Сайлас, — надо было просить госпожу Корнелию, а не сбегать.

И кивнул кому-то за моей спиной.

Ножа я не увидела. Был только толчок в шею, будто ткнули пальцем, и тёплое потекло под воротник, по ключице. Я подумала: вода. Откуда вода, я же под крышей. Потом стало холодно, и колени подломились.

Тело ослабло. Перед глазами появились линялые половицы. Ножка стула. Край миски, в которой ещё плавала хлебная крошка. Миска стояла ровно, её никто не тронул. Где-то наверху, в чужих руках, плакал Тео, и я не могла повернуться к нему: шея не слушалась.

Я подняла левую руку. Пальцы были будто чужие, белые. На запястье лежал браслет из тёмных бусин, я знала на ощупь каждую. Половина из них несла крохотные узоры, все разные. Я разглядывала их сотню раз за эти почти полтора года. Одна бусина под пальцами была тёплой, словно для меня.

За браслетом в памяти стоял вечер накануне моей свадьбы. Свечи, запах грозы и железа. И золотые глаза напротив.

Он из слёз хрустального дракона. Называется «Второй шанс», — сказал Дориан де Варг, и усмешка расчертила его губы. — Надеюсь, ты мне его дашь.

Я сжала бусину изо всех сил, которые остались. Этих сил осталось немного, и все они были про одно.

Ещё раз. Я хочу ещё раз.

Плач оборвался коротким ударом. Моё сердце замерло.

— Сбросьте их тела в овраг, — сказал Сайлас откуда-то сверху, из темноты.

И всё внезапно стихло, а темнота стала непроглядной.

Глава 1

Я пришла в себя от собственного крика.

Сидела в кровати и кричала, пока хватало воздуха, а когда он кончился, вдохнула и закричала снова. Где-то стукнула дверь, заметался свет, и тёплые руки обхватили меня за плечи.

— Миледи! Я здесь, я тут, тише, тише...

Свеча дрожала на столике, тени прыгали по стенам. Меня держала Фелма, растрёпанная, в ночной рубашке, и гладила по голове, как в детстве.

— Тео, — выдавила я. Горло саднило. — Где Тео?

— Какой Тео, миледи? Сон вам дурной приснился...

— Он плакал. Я слышала, он только что плакал...

— Никто не плакал, кроме вас, голубка моя. Тихо в доме, все спят.

Я вцепилась в её рубашку и заплакала так, что заболели рёбра. Фелма качала меня и что-то приговаривала, а я не могла остановиться и не могла объяснить. Руки сами поднялись к горлу. Кожа была целой. Я ощупала шею раз, другой, третий, не поверила пальцам и начала заново.

— Горлышко болит? — испугалась Фелма. — Я за лекарем...

— Нет. Никого не зови.

К рассвету она напоила меня горьким сбором, ромашка и что-то сонное, и я провалилась в темноту без снов и без голосов.

Проснулась я поздно и долго лежала, глядя в потолок. По карнизу шла лепнина, гипсовые розы, у одной был сколот лепесток. Я знала этот скол. Я засыпала под ним каждую ночь перед свадьбой.

Гостевое крыло дома Эшфордов. Покои невесты.

Я подняла левую руку к свету. Запястье было пустым и тонким, с голубой жилкой у косточки. Ни браслета, ни тёмных бусин.

Браслет мне подарили накануне свадьбы. Выходит, я вернулась раньше. Насколько раньше? Я села, комкая одеяло. В этих покоях я прожила все дни Привития, и каждое утро в них начиналось одинаково.

Был ли уже бал? Была ли ночь, после которой у меня неделю горела кожа? Я прислушалась к себе, к животу, к сердцу, и не услышала ничего, кроме сердца. Если ночь была, во мне, возможно, уже теплилась искра, из которой вырастет Тео. Если нет, моего сына не было нигде в мире.

От этого «возможно» можно было сойти с ума.

Ответ знала Фелма. Фелма всегда всё знала, на то она и Фелма.

Она явилась с кувшином воды и причитаниями. Гремела тазом, раскладывала полотенца и говорила без остановки: что я вся извелась, что от переезда и чужих стен у кого хочешь начнутся кошмары, что надо же было в первую же ночь в доме жениха перепугать прислугу, что перед свадьбой все невесты нервные, но чтобы так кричать...

Я слушала вполуха и держалась за два слова: первую ночь. Мы въехали вчера. Первый день Привития, до бала, до гона, до всего. Тео не было нигде, и вернуть его я могла только одной дорогой. А в двух днях пути отсюда мой отец пил утренний кофе, ворчал на секретаря и не знал, что его приговорили к казни уже сейчас.

Одного вернуть. Другого не отдать. Обе дороги начинались в этом доме.

— А может, миледи... — Она понизила голос и оглянулась на дверь. — Может, это знак? Сердце ведь чувствует. Может, оно вам говорит, что не того вы выбрали?

— Уже поздно поворачивать назад, Фелма.

Мне нужен мой Тео. Сорви я сейчас помолвку, никогда больше не увижу своего малыша.

Она вздохнула и пошла греметь дальше, а я осталась сидеть с этой фразой во рту.

Фелма затянула корсет, и китовый ус привычно впился под рёбра. В зеркале стояла молодая женщина с опухшими глазами. Фелма поохала, принесла холодную ложку и пудру, и через полчаса глаза стали просто усталыми.

Потом она взялась за волосы, подняла их со спины, и гребень замер.

— Ой. А это у вас что?

— Что?

— Пятнышко. — Она тронула пальцем мой затылок, у самых корней, под волосами. — Тёмненькое, с ноготок. Будто тушью кто мазнул.

Я подняла руку и нащупала. Кожа как кожа, гладкая, разве что теплее вокруг. Под пальцами ничего не прощупывалось, никакого следа, а Фелма смотрела в зеркало поверх моего плеча и хмурилась.

— Родинка, наверное, — сказала я. — Всегда была, ты не замечала.

— Я вашу голову с пелёнок чешу, миледи. — Фелма обиделась даже. — Каждый волосок наперечёт знаю. Не было тут ничего. Вскочило за ночь, вот что. Может, лекаря?..

— Не выдумывай. Пятнышко и пятнышко. Собери повыше и закрой затылок, вот и всё.

Она собрала волосы высоко, заколола гребнем, уложила так, что затылок закрылся наглухо, и заговорила о другом. А я сидела и смотрела на себя в зеркало.

За ночь. Я умерла и вернулась, выходит, меченой. Что это за метка и кто её ставит, я не знала, и спросить было не у кого во всех двух моих жизнях.

Прячь её, Амалия. Что бы это ни было, прячь.

Я смотрела, как поднимаются надо лбом знакомые локоны, и думала, что в прошлый раз в этом зеркале стояла счастливая дура.

— Вот теперь красавица, — сказала Фелма. — Идите, вас к завтраку ждут. Все уже собрались.

Жизнь бы их ещё не видеть.

Столовая Эшфордов была парадной даже утром: белая скатерть, серебро, запах кофе и тепличных роз. Розы стояли в трёх вазах и, наверное, не пахли ничем, кроме денег.

Корнелия сидела подле сына, свежая, в жемчуге, со сложенными на коленях руками. Напротив расположилась чета Арджент. Люциана я узнала по рукам: сухие, ухоженные, спокойные. Бинейла рядом с ним пила шоколад, не касаясь чашки губами, а возле неё сидела Селестина, вся в голубом, с опущенными ресницами.

— Дорогая! — Дэмиан поднялся мне навстречу и отодвинул стул. — Мы уже начали тревожиться.

Он взял мою руку и коснулся губами пальцев. Губы были тёплые и сухие. Я улыбнулась и села, и улыбка держалась на моём лице, как приколотая.

— Вам нездоровилось ночью, дитя моё, — сказала Корнелия. Голос у неё был мягкий, весь в оборках. — Слуги слышали крик. Мы чуть не послали за лекарем.

Она смотрела на меня с заботой. Угу. А потом так же заботливо велит своему любовнику прикопать меня и моего ребёнка.

— Дурной сон, миледи. — Я развернула салфетку. — Новые стены. Прошу простить, если потревожила.

— Ну что вы. Стены привыкнут к вам, а вы к ним. На то оно и Привитие.

Дэмиан подлил мне шоколаду, подвинул корзинку с булочками, спросил, тепло ли мне, не дует ли от окна. Он ухаживал красиво, без суеты, и полтора года назад от каждого его жеста у меня внутри становилось сладко. Теперь я смотрела на его руки и слышала ровный голос из тёмного коридора. «Пусть так».

Кусок не лез в горло. Но я ела. Медленно, маленькими кусочками, потому что невеста, которая кричит ночами и не ест по утрам, вызывает разговоры, а разговоры мне были не нужны. Мне нужно было время и тихое место в углу этой доски.

Дэмиан взял нож и стал резать грушу. Лезвие поймало свет из окна, блеснуло, и моя рука дрогнула сама, без спроса. Ложечка звякнула о блюде.

Селестина подняла ресницы.

Глаза у неё были серые и внимательные, и смотрела она не на меня. Она смотрела на Дэмиана, на его руки, на грушу, которую он резал для меня, и в этом взгляде не было ничего от скромной девочки в голубом. Смотрела, как голодающий в чужое окно на накрытый стол.

Дэмиан поднял голову и на мгновение встретился с ней взглядом. Одно мгновение, короче вдоха. Потом он положил грушу на мою тарелку и улыбнулся мне.

В прошлый раз я сидела на этом самом стуле и ничего не видела. Я смотрела в собственное счастье, как в тарелку, и мир кончался за его краями.

— Люциан, — Корнелия повернулась к гостю, — что слышно из столицы? Вы ведь всегда всё узнаете первым.

— Преувеличиваете, дорогая. — Люциан промокнул губы салфеткой, не торопясь. У него было сухое лицо и карие глаза. — Но кое-что действительно пишут. И вам стоит это знать, раз уж в доме готовится свадьба и будут гости.

Он сложил салфетку ровным квадратом и разгладил сгиб.

— В провинцию едет комендант де Варг. С проверкой. Негласной, разумеется.

Глава 2

За столом стало тихо.

Бинейла поставила чашку. Корнелия улыбалась ровно и мило, но пальцы её нашли жемчуг на шее и переложили бусину с места на место.

— Де Варг, — повторила она. — В нашу глушь? Помилуйте, Люциан, что ему здесь делать?

— То же, что и везде, дорогая. Смотреть.

— Кошмарный человек, — сказала Бинейла и передёрнула плечами. — Говорят, он брата императора живьём сжёг.

— Не говорят, — поправил Люциан. — Так и было.

— Матушка, вам дурно?

— С чего бы мне было дурно? — Корнелия отпустила жемчуг и взялась за кофе. Чашка звякнула о блюдце, и Корнелия тут же отодвинула её. — У нас всё в порядке. У нас свадьба.

Я мазала маслом хлеб и слушала, как в этой комнате всем стало страшно.

Всем, кроме меня.

Комендант придет в конце недели. У него начнётся гон, и Эшфорды, помирая от ужаса, предложат ему единственное, что есть под рукой и что ничего им не стоит.

Хлеб крошился. Я положила его на тарелку и убрала руки под стол.

Полтора года я вспоминала эту неделю по минутам. Как меня вели по коридору, и я считала ступени, чтобы не потерять сознание. Как было потом, и как я плакала от стыда.

Теперь предстояло проделать всё заново. Своими ногами.

Следующие два дня я прожила по часам в малой гостиной. Они били каждые полчаса, и между ударами, казалось, помещалось года по три.

Дэмиан возил меня в оранжерею. Показывал орхидеи, привезённые с юга, называл цену каждой. Орхидеи были мясистые, с восковыми лепестками, и пахли сладкой гнилью, прямо как его натура, от которой меня воротило.

Корнелия водила меня по дому. В прошлый раз я умирала от этих прогулок: она мягко, с улыбкой, показывала, как я всё делаю не так. Не так хожу, не так распоряжаюсь прислугой, не так держу вилку. Теперь я слушала вполуха и смотрела по сторонам. Где кабинет. Где сейф. У кого какие ключи. Кто из слуг ездит в город и по каким дням.

Ключи она носила при себе, на поясе, под верхней юбкой. Мелкая связка, штук пять, и звенела при каждом шаге. За полтора года я привыкла к этому звону так, что перестала его слышать, а он был в доме вместо часов: звенит в галерее, значит, свекровь спускается в кладовую, звенит на лестнице, значит, идёт ко мне.

В кабинет Дэмиана она меня не повела. Мы прошли мимо дверей, и она сказала: «Тут скучно, милая, тут бумаги», и я послушно пошла дальше смотреть портреты.

Двери были из светлого дуба, с медной ручкой. Это я прекрасно знала, потому что муж частенько любил запирается в кабинете и работать. Это сейчас я понимала, что он там не работал вовсе, а прятался от молодой жены и ребёнка.

На третье утро свекровь пришла ко мне сама.

— Дитя моё. — Корнелия села в кресло у окна и расправила юбки. — Нам нужно поговорить как женщине с женщиной. Сядьте.

Я села.

— Вы знаете, что комендант остановится у нас?

— Мне сказали.

— Это большая честь для дома. И большая ответственность. К тому же, мне сообщили, что у его дракона сейчас гон. — Она помолчала. — Вы слышали что-нибудь о драконах, милая? О том, как они устроены?

— Немного, миледи.

— Тогда я объясню, а вы послушайте.

Объясняла она долго и очень красиво. Что раз в несколько лет дракона накрывает магической бурей и он должен её сбросить. Что для этого нужна женщина. Что право первого пламени старше империи и записано в законах прежде многих других прав.

Ни разу за весь разговор она не назвала вещи своими именами. Сплошное паломничество и благословение. Хотя на деле, драконы просто брезгливые и боятся, им нужна девственность. И беря чужих невест во время гона, они снимают с себя ответственность, ведь обеспеченная выходит замуж, а значит тылы драконов прикрыты.

— Невеста, которая разделила с драконом гон, приносит в дом мужа дар. Иные семьи ждут его поколениями и не дожидаются.

Ждут они. Ага. Одна чешуя стоит трёх ваших жизней, миледи, и вы уже прикинули, на что её потратите.

— А Дэмиан? — спросила я.

— Мой сын знает и согласен. Он гордится вами.

Я опустила глаза и сжала руки на коленях. Невеста в такую минуту должна побледнеть и попросить время подумать. Побледнеть мне ничего не стоило, ведь сама ситуация отвратительна, несмотря на то, как её подают.

— Миледи, я боюсь.

— Разумеется, боитесь. — Голос её сделался совсем тёплым. — Все боятся. Но подумайте, что вы приобретаете. И подумайте, что теряет ваш будущий муж, если вы откажетесь.

Вот и петля. Она всегда лежала у неё наготове, аккуратно свёрнутая, как лента в шкафу.

А цену этой ночи я знала. Поэтому пойду даже если мне запретят.

— Я подумаю.

— Подумайте до бала. — Корнелия поднялась и мимоходом поправила мне выбившийся локон. Пальцы у неё были холодные. — Вы очень умная девочка, я сразу заметила.

Ночью я не спала. Лежала и перебирала то, что помнила, и злилась, потому что помнила мало.

Я знала имена. Знала, что отца оговарят и что бумаги готовит Люциан. Знала про Сайласа, про овраг, про то, чем всё кончится для меня и для Тео. А чего я не знала, так это ничего полезного. Ни одной цифры. Ни одной бумажки. Ни где искать, ни у кого спрашивать.

Полтора года я прожила в этом доме образцовой невесткой. Не заходила в кабинет мужа. Не совала нос в счета. Мне казалось неприличным.

Дура.

Дэмиан нашёл меня перед обедом в малой гостиной. Сел рядом, взял мою руку и держал её в своих.

— Матушка говорила с тобой.

— Говорила.

— Амалия. — Он чуть сжал мои пальцы. — Если ты откажешься, я пойму. Слышишь? Я скажу ей сам, и пусть будет что будет.

В прошлой жизни я в эту минуту разревелась и уткнулась ему в плечо. Я потом полгода грелась об эти слова, как о печку.

Он не сказал «откажись». И не сказал «я тебя не отдам».

— А если я соглашусь? — спросила я.

Он ответил не сразу.

— Тогда я буду тобой гордиться.

И поцеловал мне руку.

И знаете, что самое мерзкое? Он был хорош. По-настоящему хорош: голос, взгляд, эта пауза перед ответом. За полтора года он не сбился ни разу. Я сидела рядом, смотрела на его склонённую голову и думала: сколько же надо репетировать, чтобы так...

Бал давали на четвёртый день.

Зал у Эшфордов был длинный, с колоннами, и вдоль колонн висели холодные магические огни. От них у всех делались одинаково мёртвые лица.

Я стояла у стены в тёмно-зелёном и считала входящих. Провинция сползлась поглазеть на коменданта, приехали даже те, кого на помолвку не звали.

Дэмиан приносил мне лимонад и представлял соседям. Соседи шутили, я смеялась, где надо. Корсет впивался под грудь, лимонад был тёплый и приторный, а внутри у меня звенело так, что я боялась расплескать бокал.

К девяти у меня начало ломить спину. Я отсидела своё возле Бинейлы Арджент, которая рассказывала про столичных портних, и трижды ответила «да, разумеется» невпопад. Бинейла ничего не заметила. Она из тех, кому собеседник нужен как подставка для её украшений.

Дэмиан танцевал с какой-то дальней кузиной. Селестина сидела у стены с матерью и глядела в зал.

Он вошёл около десяти.

Музыка не оборвалась, никто не ахнул. Просто гости расступились, кто-то слишком поспешно, кто-то нарочито лениво, и от дверей открылся проход.

Тёмный мундир без единой награды, и никакой свиты, только один человек за плечом, в такой же тёмной форме. Шёл комендант ровно, без парадного шага, и по тому, как перед ним отходили, было видно, кто здесь чего стоит.

У меня подкосились ноги.

Я стояла в чужом доме, при женихе, в перчатках до локтя, и смотрела на мужчину, который через три дня будет целовать меня в плечо и шептать, чтобы я не боялась. А ещё через неделю придёт ко мне накануне свадьбы и отдаст свою родовую вещь и вторую жизнь в придачу. Я помнила его руки. Помнила, какой он тёплый, и какой тяжёлый, и как он смеялся мне куда-то в волосы под утро. Помнила его приятный запах и грубую кожу на кончиках пальцев, дарящих нежную щекотку.

От воспоминания у меня поплыло перед глазами. Хорошо, что за спиной была колонна.

Он повернул голову и посмотрел прямо на меня.

Надо было опустить ресницы. Любая девица в этом зале опустила бы, и я это знала.

Я смотрела.

Первым он взгляд не отвёл. Что-то в нём поменялось, не в лице, лицо осталось прежним, а в том, как он стоял. Развернулся чуть-чуть, вполоборота, будто примеривался.

Потом между нами вплыла Корнелия с приветствиями, и я наконец вдохнула.

— Ты покраснела, — сказал Дэмиан над ухом. — Испугалась?

— Здесь душно.

— Выйдем?

Мы вышли на террасу. Пахло мокрым камнем, с балюстрады капало. Я держалась за перила и пыталась вспомнить, как дышат нормальные люди.

Дура.

В зал я вернулась притихшая и остаток вечера смотрела в пол.

У чаши с пуншем меня нагнала Селестина.

— Вам нехорошо? Вы бледная.

— Немного душно.

— Я тоже не выношу такие вечера. — Она вздохнула и понизила голос. — А правда, что коменданта поместили в восточном крыле?

— Не знаю, где его разместили.

— Как же так, вы ведь почти хозяйка дома.

Почти. Еще свадьба, милая, и я стану хозяйкой этого дома. А потом ею можешь стать ты, всего-то и надо будет меня закопать.

— Я здесь гостя, — сказала я. — До свадьбы.

— Ну да. До свадьбы. — Она улыбнулась и посмотрела через зал, туда, где стоял Дэмиан. Мгновение, и ресницы опустились обратно.

В прошлой жизни она весь вечер была со мной ласкова, а я потом писала отцу, какая славная девушка младшая Арджент. Кто же знала, что она станет причиной моей и моего сына смерти.

Их разговор я видела от колонны.

Корнелия говорила первой и говорила долго. Улыбалась, разводила руками, склоняла голову набок. Дэмиан кивал рядом с матерью, а один раз показал на меня взглядом, будто выводил лошадь на торг.

Комендант слушал.

Он стоял неподвижно, и понять по нему было нельзя ничего. Потом Корнелия замолчала.

Он повернул голову и нашёл меня через весь зал.

Смотрел долго. Я успела сосчитать до восьми, и он всё смотрел. У меня взмокли ладони под перчатками, и я стояла и твердила себе одно: не отворачивайся, пусть смотрит, тебе это и нужно.

Потом он сказал что-то короткое. Одно слово, может, два.

Корнелия просияла и присела в глубоком реверансе.

Ушёл он почти сразу. Не танцевал и больше ни с кем не говорил.

У самых дверей, не оборачиваясь, бросил одно слово:

— Холт.

Человек в такой же тёмной форме отделился от стены, у которой простоял весь вечер, и вышел следом.

Дэмиан подошёл ко мне только через полчаса, с двумя бокалами, и один протянул мне.

— Матушка говорила с ним.

— Я видела.

— Он согласился. — Дэмиан смотрел куда-то поверх моего плеча. — Завтра.

Какая же ты скотина, милый. Хоть бы вид сделал, что ревнуешь. Куда мои глаза смотрели?

Я взяла бокал. Пальцы не дрожали, и это меня саму удивило.

— Хорошо, — сказала я.

— Ты замечательная, Амалия.

Да. Настолько, что ты решишь от меня избавиться.

Весь следующий день в доме мыли полы.

Прислуга носилась, экономка охрипла, из погреба таскали вино. Корнелия сама проверяла, как накрыли стол в восточном крыле, и дважды переставляла цветы. Никто не говорил вслух, зачем всё это, но горничная, которая помогала мне одеваться, шептала другой на лестнице, что комендант уже второй день не выходит из покоев и что к нему не велено соваться даже с водой.

Гон.

Я слушала этот шёпот, стоя за дверью, и у меня подгибались колени.

За мной пришли вечером.

Меня мыли в горячей воде с розовым маслом, растирали кожу чем-то сладким и жирным, расчёсывали волосы, пока они не закрипели. Надели сорочку из белого шёлка, тонкую до неприличия, сверху халат.

Фелму ко мне не пустили. Она стояла в дверях, красная, с полотенцем в руках, и её выставили в коридор, и я слышала через дверь, как она там спорит с экономкой. Потом всё стихло.

Я порадовалась, что её увели. Она бы посмотрела мне в лицо и всё поняла.

Ей полагалось увидеть, как её госпожу ведут на заклание. А госпожа стояла посреди чужой купальни, кусала губы и думала не о том, о чём положено думать девице в такую минуту.

Служанки молчали. Их взяли из здешних, и они знали, куда меня поведут.

Корнелия зашла напоследок, оглядела меня с головы до ног и осталась довольна.

— Не бойтесь. И не спорьте с ним ни в чём, дитя моё. Что бы он ни велел.

Она сама подала мне руку и повела в восточное крыло.

Двадцать шагов по коридору, поворот, лестница в двенадцать ступеней. Галерея. Ещё поворот. Я прошла этой дорогой один раз в жизни, и она снилась мне полтора года, заставляя сердце трепетать.

Как сейчас.

Тогда я плакала всю дорогу и один раз чуть не села на ступеньки.

Сейчас внутри у меня всё дрожало и обрывалось от предвкушения. Я шла к мужчине, который был со мной ласков, когда от него ожидалась безжалостность зверя. Я знала, какие у него руки, знала, как он придерживает ладонью затылок, и от одной этой мысли у меня подгибались колени. Дышала я через рот и остановиться не могла.

У дверей стоял караульный в тёмном, не из наших. Он посмотрел сквозь меня и отступил в сторону.

Корнелия отпустила мою руку.

— Ступайте.

Комнату освещали два магических огня в изголовье. Кровать была разобрана. На столике стоял графин с водой и лежала маленькая коробочка.

Он стоял у окна спиной ко мне, ещё в мундире.

— Закрой дверь.

Я закрыла. Он повернулся.

Между нами было шагов десять, и на этих десяти шагах меня рассмотрели сверху вниз, медленно, будто прикидывали цену и находили её завышенной. Ни удовольствия на лице, ни интереса. Халат вдруг сделался очень тонким.

В прошлый раз он встретил меня у порога и сказал: «Не трясись. Я не кусаюсь». Забрал у меня из рук халат, усадил, дал вина и говорил со мной, пока я не перестала стучать зубами.

Сейчас он молчал.

— Развяжи, — велел он.

Сердце глухо забилось в груди. Он серьезно?

Я развязала пояс. Халат соскользнул с плеч на пол.

Он не двинулся ко мне. Взял со столика коробочку, открыл, вынул что-то мелкое и белое и швырнул через всю комнату.

Пилюля упала мне под ноги.

— Пей.

Голос был ровный и глухой, будто он распоряжался насчёт лошадей.

Я наклонилась и подняла её. Круглая, шершавая, лёгкая. В прошлой жизни мне её тоже дали, и я так тряслась, что уронила, и она укатилась в щель между половицами, а сказать вслух я побоялась.

Я налила себе воды.

— Ты слышала, что я сказал?

Что не так? Почему он такой грубый?

— Да, ваша светлость.

Он смотрел ещё секунду. Потом расстегнул ворот мундира и ушёл в купальню.

Я опустила на колени у кровати. Щель нашлась сразу, третья половица от ножки, тёмная полоска в палец шириной. Пилюля ушла в неё легко и беззвучно.

Воду я выпила до дна и поставила стакан ровно.

За стеной шумело.

Кажется, в этот раз он принял меня не за трусливую невесту, а за продажную девку.

Ну и пусть. Пусть, что хочет думает.

Прости меня. Не знаю, кому это я, но прости, другого способа тебя вернуть у меня нет.

Он вышел через четверть часа в одних брюках, с мокрыми волосами. По груди и плечам шли старые белые шрамы. Пахло от него чем-то терпким.

Я стояла у кровати.

Он подошёл вплотную, взял меня за подбородок и поднял мне лицо. Пальцы были горячие. Зрачок разошёлся почти на всю радужку, и от золота осталась тонкая каёмка.

— Хоть что-то у тебя бывает не на продажу?

— Ваша светлость...

— Молчи.

Пальцы соскользнули с подбородка на горло и легли поперёк, не сжимая. Я задрала голову и стояла, боясь глотнуть.

Он повёл ладонью вниз, по ключице, поддел пальцем ворот сорочки и потянул. Шёлк треснул от горла до плеча, и звук вышел неприлично громкий.

Я дёрнулась прикрыться. Он перехватил обе мои руки одной своей и отвёл в сторону, и второй рукой стащил разорванное с плеча, до локтя, и ещё ниже.

И стал меня рассматривать.

Долго. Молча. Так, что у меня жаром пошло по щекам и по груди, и я не знала, куда девать глаза, и смотрела в стену поверх его плеча.

Полтора года назад он в эту минуту накинул мне на плечи одеяло. Сказал, что в комнате холодно.

— Смотри на меня.

Я посмотрела. У него дёрнулась мышца на скуле, и он взял меня за талию, обеими руками, и сжал так, что я охнула. Пальцы у него были железные. Наверняка останутся синяки, подумала я, и додумать не успела.

Он поднял меня и бросил на кровать.

Он меня не целовал. Ни разу за всю ночь. Всё было жарко, быстро и грубо, без имени, без единого слова, без вопроса, больно мне или нет. Я ждала совсем другого. Я до последнего ждала, что он сейчас остановится, посмотрит на меня и всё станет как тогда.

Дважды я вскрикнула, и он замер на секунду, и на этой секунде мне показалось, что вот оно.

Магические огни погасли сами. В темноте не осталось ничего, кроме его рук и его жара, и я цеплялась за него и ненавидела себя за то, что цепляюсь. К середине ночи я перестала понимать, где кончаюсь я и начинается эта постель.

Так до самого рассвета, и ни слова.

Уснула я, когда за окном уже серело.

Разбудил меня шорох его одежды.

Всё тело болело. Простыня сбилась в жгут, на плече темнел синяк, второй на бедре. Я подтянула одеяло к горлу и села.

В комнате пахло нашим потом и близостью. На полу валялась моя разорванная сорочка, и халат там же, где я его вчера уронила.

Он застегнул последнюю пуговицу и обернулся.

Гон схлынул, это было видно сразу. Глаза стали прежними, золотыми и ясными, ни тумана, ни голода. Он посмотрел на меня, и я поняла: за всю ночь он ни разу меня толком не рассмотрел. А теперь рассматривал.

Он сунул руку за отворот мундира и бросил что-то на кровать.

Оно упало на одеяло у моих коленей и мягко звякнуло. Чёрная чешуя, матовая. Плата.

Как монету на стол шлюхе в трактире, развернулся и направился к выходу.

Я не притронулась к ней. Я смотрела ему в спину, и у меня горели уши.

— Ты об этом пожалеешь, Дориан де Варг.

Он остановился в дверях. Не обернулся.

— Ещё вчера пожалел.

И вышел.

Глава 3

Дверь за мной закрылась, и я осталась одна в галерее восточного крыла.

Дом ещё спал. За высокими окнами серело, внизу глухо гремела вёдрами кухня. Я стояла босиком на холодном паркете, в халате поверх разорванной сорочки, и в кулаке у меня лежала чешуя.

Она была тёплая. Я пронесла её через полдома, и она не остыла, будто я держала за палец что-то живое.

На повороте галереи мне встретился человек в тёмной форме, из свиты коменданта. С папкой под мышкой, с неприметным лицом.

Холт. Так его вчера окликнул комендант, уходя с бала, одним словом, через плечо, и другого имени у этого человека я не слышала.

Он посторонился, пропуская меня, и коротко наклонил голову. Ни любопытства во взгляде, ни ухмылки, а ведь по мне всё было видно: халат, босые ноги, распущенные волосы.

Я его запомнила. Наверное, потому, что он один во всём этом доме посмотрел на меня как на человека, а не на событие.

Фелма ждала у дверей моих покоев. Открыла рот, посмотрела мне в лицо и закрыла.

— Воды, — сказала я. — Горячей.

Пока грели воду, она стащила с меня сорочку и охнула.

Синяки уже проступили. На талии, с обеих сторон, по четыре тёмных пятна от пальцев. Ещё на плече. Ещё на бедре. Я посмотрела на себя в зеркало и отвернулась.

— Ирод, — прошептала Фелма. — Чтоб ему...

— Фелма.

— Молчу, молчу.

В лохани она тёрла меня осторожно, как после болезни, и вполголоса ругала всех подряд: дракона, Эшфордов, воду, что долго грелась, шёлк, что расползся. Я сидела, обхватив колени, и смотрела на чешую. Она лежала на табурете рядом. Самая дорогая вещь в этой провинции.

Плата за ночь.

В прошлой жизни он вручил её мне в руки. Взял мою ладонь, положил чешую и закрыл сверху моими же пальцами, а потом подержал так, недолго, будто грел. Он ничего тогда не сказал, только посмотрел, и от этого взгляда я неделю спала вполглаза.

Сегодня он бросил её на кровать, как шлюхе.

Ну и пусть. Пусть, пусть, пусть.

Голову она мне мыла молча, только раз, отжимая волосы, буркнула, что пятнышко на месте, не сошло и не выросло, и то хлеб.

На месте. Я сидела в остывающей воде, и по спине у меня шёл холод, к пятнышку никакого отношения не имевший. Всю эту ночь мои волосы были распущены и рядом были его руки, его глаза и его рот.

Видел или нет? Тёмная спальня, погасшие огни, ему было не до разглядывания. А если видел? Что оно ему сказало, это пятнышко, человеку, который читает людей по складкам на перчатках?

Я запретила себе об этом думать. Получилось как всегда.

Фелма закутала меня в простыню и всё-таки не выдержала:

— Обидел он вас, миледи?

Я посмотрела на неё. Милая, верная Фелма. Расскажи я ей правду, любую из моих правд, она бы посидела на месте.

— Нет. Так было нужно. Теперь всё будет хорошо.

— Дай-то небо. — Она начертила в воздухе охранный знак, по-деревенски размашисто.
— А чешуйку куда денете? Небось в сейф велят отдать?

— Не велят.

Сама справлюсь. Эта мысль пришла ещё там, в спальне, когда за ним закрылась дверь, а к утру отлежалась и затвердела. Он ясно показал, кто я для него. Прекрасно, ваша светлость. Счастливого пути в столицу, дальше я как-нибудь без вас. Всё, что нужно было, вы мне уже дали.

К полудню дом гудел.

Слуги смотрели на меня во все глаза и кланялись ниже вчерашнего. Экономка лично принесла мне отвар и печенье. За обедом Корнелия сияла так, будто я привезла в дом победу с войны.

Собственно, я её и привезла. Просто война была лежачей.

Восточное крыло с утра стояло нараспашку: проветривали. Комендант съехал на расвете, не простившись с хозяевами, и Корнелия за обедом дважды назвала это военной прямой, а один раз, забывшись, хамством.

Меня о ночи никто не спрашивал. Невесту о ночи гона расспрашивать не принято, да и что тут спрашивать: жива, на ногах, честь дому принесла.

— Я послала за портнихой, дитя моё, платье пора подгонять, — говорила Корнелия, разливая кофе. — Списки гостей я взяла на себя, вы после взглянете. Ваш батюшка прибудет накануне торжества, он пишет, что дела не отпускают его раньше.

Вилка у меня в руке не дрогнула. Я донесла её до рта, прожевала и только потом разрешила себе услышать это по-настоящему.

Отец. Живой, тёплый, недовольный делами. Через пять дней я увижу отца.

— Чудесно, миледи, — сказала я.

После обеда Корнелия пришла ко мне с шалью. Тонкая работа, серый шёлк с серебряной нитью.

— Это шаль моей матери, дитя моё. Я хочу, чтобы она была вашей.

— Благодарю, миледи. Она прекрасна.

— Это вы прекрасны. — Она накинула шаль мне на плечи и расправила, и руки её задержались. — Вы даже не понимаете, что вы сделали для этого дома. Такая честь приходит раз в несколько поколений.

Я скромно опустила глаза. Честь. Четыре пятна с одного бока, четыре с другого и кровавое на простынях в гостевой комнате.

— Кстати, милая. — Голос у неё сделался лёгким, почти небрежным. — Такую вещь нельзя держать в спальне. Я распоряджусь, её уберут в сейф. У нас надёжный сейф, ещё от покойного лорда Эшфорда.

— Не нужно, миледи.

— Милая?

— По традиции чешуя вручается невесте и хранится у неё до алтаря. Как её приданое.
— Я подняла глаза и улыбнулась. — Вы же сами учили меня чтить традиции. Я стараюсь быть хорошей ученицей.

Корнелия улыбнулась в ответ. Губы улыбнулись, взгляд сделался острым, как кинжал.

— Разумеется, дитя моё. До алтаря.

Она помолчала, поправляя на мне шаль, и добавила, глядя куда-то в узор:

— Вы повзрослели за эти дни, милая. Прямо на глазах.

— Благодарю, миледи.

— Это не был комплимент.

Мы посмотрели друг на друга. Наверное, впервые за обе мои жизни по-настоящему: две женщины, глаза в глаза. Что-то она во мне почуяла, старая лиса. Понять не поняла, но пальцы её сами нашли жемчуг на шее и погнали бусины по кругу.

— Отдохните перед ужином, — сказала Корнелия и вышла.

Она ушла, шурша юбками, и связка ключей на её поясе отзвенела вниз по лестнице.

Ардженты отбывали под вечер, с фонарями.

Бинейла расцеловала воздух у моих щёк и наказала беречь себя. Люциан склонился к моей руке.

— Берегите себя, дитя. — Губы у него были сухие, как бумага. — И своё приданое. Такие вещи меняют судьбы домов.

— Благодарю, милорд. Постараюсь оправдать.

Он поднял на меня глаза и секунду не отпускал мою руку. Мне показалось, он слышал в ответе больше, чем я туда положила. Потом выпрямился, и лицо у него снова стало прощальным.

Селестина обняла меня у самой кареты, порывисто, по-девичьи.

— Я так за вас рада, — зашептала она мне в ухо. — А правда, что у него глаза как у зверя? Вам было очень страшно? Расскажите потом, по секрету?

— Непременно.

— Теперь вы самая завидная невеста провинции. — Она отстранилась и посмотрела на меня ясно и ласково. — Дэмиану так повезло.

— Дэмиану повезло, — согласилась я.

Кареты тронулись. Мы с Корнелией стояли на крыльце и махали вслед, и я думала, что Люциан уже записал мою чешую в будущие активы. Дом Эшфордов, сейф Эшфордов. Всё, что входит в этот дом, он считает своим, потому что хозяйкой здесь будет его дочь.

Ему оставалось потерпеть полтора года и одну меня.

Перед ужином я попросила воздуха и вышла в сад.

Дождь перестал идти ещё днём. Я шла вдоль фасада по мокрому гравию и считала окна. Кабинет Дэмиана выходил на север: три окна во втором этаже, среднее с трещиной в нижнем стекле.

Под окнами тянулись шпалеры со старыми розами, решётка крашеная, местами ржавая.

Лазить по шпалерам я не собиралась. Я училась смотреть на этот дом как на задачу: где входы, где окна, кто когда спит.

Такое восприятие нравилось мне больше.

Дэмиан пришёл вечером.

— Отдай её матушке.

Я отложила книгу. Он стоял посреди комнаты, и от его медленной вежливости не осталось ничего: желваки, острые плечи, руки за спиной.

— Добрый вечер, Дэмиан.

— Амалия. Это теперь семейная реликвия. Ей место в сейфе, а не у тебя под подушкой.

— Она не под подушкой.

— Где она?

— У меня.

— Амалия. — Он потёр переносицу, собирая терпение. — Матушка сказала, ты ей дерзила.

— Я процитировала ей её собственный урок о традициях. Если это дерзость, значит, уроки были дерзкие.

— Она желает тебе добра. Мы все желаем тебе добра. Такая вещь притягивает воров, о ней уже говорит вся провинция, а ты носишь её при себе, как булавку.

— В этом доме завелись воры?

— В этом доме есть здравый смысл. — Он повысил голос и тут же придавил его обратно. — К чему эти капризы? Ты пугаешь матушку. Ты позоришь меня перед ней. Что подумают люди, если узнают, что невеста прячет чешую от рода?

— Люди подумают, что невеста знает традиции. — Я встала, чтобы не сидеть под ним. — Чешую вручают невесте, Дэмиан. Она моё приданое, и до алтаря её место у меня. Стану женой, и в доме появится чешуя. Неделя. Ты неделю не потерпишь?

Он схватил меня за запястье.

Пальцы легли точно на синяк, и я дёрнулась. Дэмиан посмотрел вниз. На моей коже, чуть выше его руки, темнел след чужих пальцев, шире и крупнее его собственных.

Он разжал руку, будто взялся за горячее.

— Прости. — Вежливость вернулась на место, как крышка на кастрюлю. — Я погорячился. Эти дни всем дались тяжело. Увидимся за ужином, дорогая.

И вышел.

Я стояла посреди комнаты и растирала запястье. Полсекунды. Он показал себя на полсекунды, и мне хватило бы этого, чтобы всё понять, будь у меня только эта жизнь.

За окном стемнело. Я отказалась от ужина, сославшись на слабость после высокой чести, и никто не настаивал: мне теперь многое прощалось.

Ночью я сидела у окна с чешуёй на ладони и раскладывала свою жизнь на два столбика, как приход и расход.

Можно уйти. Вернуться к отцу, упасть ему в ноги, разорвать помолвку. Скандал переживём, неустойку заплатим. А дальше? Рассказать ему про Люциана? Всё моё знание умещалось в один подслушанный разговор из жизни, которой ещё не случилось. Ни бумаги, ни имени свидетеля, ни одной цифры. Отец слушает меня, хмурится, зовёт лекаря: девочка перенервничала перед свадьбой.

А Люциан никуда не денется. Заговор будет готовиться в тишине, только теперь я даже не узнаю, в какой. Дверь в дом Эшфордов закроется, и я останусь снаружи, со своим знанием, бесполезным, как ключ от сгоревшего дома.

И Корнелия останется. Женщина, которая один раз уже сказала «Сайлас знает, что делать», скажет это снова, как только я стану ей мешать. Уехать от неё в отцовский дом означает всего лишь удлинить Сайласу дорогу.

Я положила ладонь на живот.

Пилуля осталась в половице. Если все получилось, то я уже беременна, и тогда уходить мне отсюда не одной. Да и уйти означает родить дракону дитя в отцовском доме, без мужа, через полгода после разорванной помолвки. Провинция маленькая. Считать умеют все.

Это в столбик расхода.

Теперь приход. Через шесть дней я стану Эшфорд. Женой, а не гостьей. Гости не открывают дверей, жене открываются почти все, а к остальным жена может подобрать ключи, у неё много времени и мало надзора. Кабинет за светлым дубом. Счета. Обозы, которые ходят по ночам. Гости, которых не представляют. У Люциана уйдёт полтора года, чтобы подвести отца под суд. Значит, у меня есть полтора года, чтобы подвести под суд Люциана. И Эшфордов следом.

Плата за вход известна: свадьба. Кольцо от человека, который скажет «пусть так», когда его мать распорядится о моей смерти.

Я сидела и ждала, что внутри что-нибудь дрогнет. Не дрогнуло. Видимо, всё, что могло дрогнуть, осталось лежать в овраге за ельником.

Я зажгла вторую свечу, достала бумагу и написала отцу.

Письмо вышло короткое и глупое: здорова, погода дождливая, дом красивый, жду вас к свадьбе непременно, ваша любящая дочь. Я перечитала его дважды. Между строк не было ничего, и это было правильно: письма невесты из чужого дома читают раньше адресата.

Просто мне нужно было вывести слова «ваша любящая дочь» и посмотреть на них.

Чешую я решила держать при себе, и не в шкатулке: в этом доме от каждого замка есть второй ключ, и все вторые ключи звенят на одном поясе.

Я достала из корзинки с рукоделием ножницы, распоролa подкладку дорожного корсета и уложила чешую вдоль планшетки. Шила при свече. Стежки выходили кривые, я дважды уколола палец и один раз сказала слово, которого леди знать не положено. Зато к третьему часу ночи приданое сидело под грудью, как влитое.

Пусть поживёт поближе к телу.

Была и третья дорога. Я запретила себе думать о ней ещё утром, в лохани, но к ночи она пробралась обратно: в прошлой жизни, накануне свадьбы, он пришёл ко мне сам.

Если придёт и в этой...

Я задула свечу. Не придёт. А придёт, так не открою.

Открою, конечно. В этом и беда.

Легла я под утро и уснула сразу.

Утром приехала портниха, и до самого обеда меня ставили на табурет, обкалывали булавками, поворачивали и снова обкалывали. Платье было цвета слоновой кости, тяжёлое от вышивки, и в нём я была очень красивая и очень чужая, как кукла в витрине к празднику. Корнелия сидела в кресле и руководила: здесь убрать, тут выпустить, ворот выше.

— Выше, — повторила она. — Ещё. Невеста должна быть скромной.

Булавка кольнула меня в шею, у самых волос, и я вздрогнула всем телом, так, что портниха отпрянула.

— Простите, миледи!

— Ничего.

Ничего. Просто кожа на шее у меня теперь дёргалась от любого касания, как у лошади от слепня. Я стояла на табурете, смотрела на себя в три зеркала сразу и дышала через раз.

Женщина в зеркалах выходила замуж через пять дней.

Вечером, расшнуровывая меня, Фелма болтала без умолку: на кухне только и разговоров, миледи, кухарка божится, а конюх сам видел.

— Что видел? — спросила я.

— Так коменданта же. — Она потянула шнуровку, и корсет наконец отпустил. — Никуда он не уехал, миледи. В городе остался, дом снял у ратуши. А люди его, говорят, второй день ходят по складам у реки и всё записывают.

Глава 4

Ночью я запретила себе думать про склады у реки.

Проверка настоящая, вот и всё, что это значило. Комендант работает. Комендантам положено работать, на то они и коменданты. Дом у ратуши, люди с записями, полторы улицы от рынка, где по средам бывает Фелма.

Последнее я запретила себе особенно строго.

Дни до свадьбы дом прожил в лихорадке. Натирали полы, развешивали гирлянды из оранжерейных роз, из погреба поднимали вино, из кладовых серебро. Корнелия командовала этим войском с утра до ночи, и связка ключей на её поясе не умолкала.

Я наблюдала.

К третьему дню я знала о доме Эшфордов больше, чем узнала за полтора года той жизни. Дэмиан вставал поздно, до полудня сидел у себя, после полудня дважды уезжал верхом и возвращался к ужину, пахнувший табаком. Почту привозили к десяти, и Корнелия разбирала её первой, всю, включая письма сына. Ночной сторож обходил дом дважды, в полночь и в четыре, и между обходами спал в каморке у кухни. Прачки уходили в город по вторникам, кухарка по средам, и с ней ходила Фелма.

Я мысленно всё фиксировала. Пригодится. Всё пригодится.

За два дня до свадьбы Дэмиан подарил мне серьги.

Бриллианты, старая огранка, тяжёлые. Он сам вдел мне одну, отступил, полюбовался и поправил у меня за ухом прядь.

— Тебе идёт. Наденешь к платью?

— Надену.

— Ты всё ещё сердись за тот вечер. — Он взял мои руки в свои. — Я вспылел, признаю. Эта неделя всех измотала. После свадьбы всё станет проще, вот увидишь. Уедем на юг на месяц, только ты и я. Хочешь на юг?

— Хочу, — сказала я.

В прошлой жизни мы ездили на юг. Море, белый песок, он читал мне вслух по вечерам, и я была уверена, что счастливее меня женщины нет. Теперь я стояла, смотрела, как он улыбается, и прикидывала: серьги потянут на годовое жалованье управляющего. Задабривает. Значит, Корнелия велела не давить из-за чешуи, значит, они сменили подход и до алтаря меня будут гладить.

Правильно. Гладьте.

— Вот и умница. — Он поцеловал меня в лоб, тепло и по-хозяйски. — Моя разумная невеста.

Серьги я убрала в шкатулку, которую запирала на ключ. Ключ был один, у меня, и именно поэтому шкатулке я не доверяла ничего дороже серёг.

Отец приехал накануне свадьбы, к вечеру.

Карету с вейловским гербом я увидела из окна второго этажа и пошла вниз быстрым шагом, наступая на подол. На лестнице я себя поймала и дальше спускалась как положено: спина, подбородок, рука на перилах.

Он выходил из кареты, разминая спину, и ворчал на кучера за тряску. Седые виски. Дорожный сюртук. Перчатки, которые он вечно терял и покупал дюжинами.

Живой.

В прошлой жизни он приезжал к нам. На свадьбу, потом к рождению Тео, потом ещё дважды, ненадолго, между своими бумагами. Держал внука на руках неумело и торжественно, как вазу, и ворчал, что мальчишку кутают. В последний раз Тео ухватил его за палец и не отпускал, и отец просидел так час, боясь шевельнуться.

А потом приезды кончились, и письма стали реже и короче, а потом пришло не письмо, а известие.

— Амалия!

Он раскрыл руки, и я вошла в них, уткнулась в дорожный сюртук, в запах табака, чернил и пыли, и стояла так, пока имела право стоять. Невесте положено скучать по отцу. Невесте многое положено, этим я и пользовалась.

— Ну будет, будет. — Он неловко погладил меня по спине. — Что ты, девочка. Я же приехал.

Приехал. Живой, тёплый, родной. Я разжала руки первой, потому что ещё секунда, и я бы не разжала их вовсе.

— Вы похудели, отец.

— А ты повзрослела. — Он отстранил меня и посмотрел внимательно, по-своему, будто читал прошение. — Ну-ка, ну-ка.

— Отец?

— Ничего. — Он покачал головой. — Веди в дом. Погляжу, как они тебя тут содержат. В письмах ты про них подозрительно вежлива.

За ужином Эшфорды его обхаживали.

Корнелия усадила отца по правую руку и весь вечер лила мёд: и дочь у вас сокровище, и род ваш древний, и как же мы счастливы породниться. Дэмиан был почитателен ровно настолько, насколько положено жениху перед тестем, ни поклоном больше. Ардженты, вернувшиеся к торжеству, сидели напротив.

Люциан поднял бокал.

— За союз домов, — сказал он. — За наместника, вырастившего такую дочь. Долгих лет вам, Алистер.

— И вам, Люциан.

Они выпили. Отец улыбался, Люциан улыбался, свечи и магические огни горели, серебро блестело.

Я смотрела в свою тарелку и считала до десяти. Потом ещё раз до десяти. Ногти впились в ладонь под столом, и я разжала пальцы по одному, усилием, как чужие.

Долгих лет. Полтора года, если быть точной. Ты уже отсчитываешь их, а он благодарит тебя за тост.

— Дочь моя, вы не устали? — Корнелия смотрела на меня через стол с материнской заботой. — Вы бледны. Завтра большой день.

— Благодарю, миледи. Я дослушаю, с вашего позволения. Отец так редко ездит в гости, и мы ещё не скоро увидимся.

После ужина отец попросил у хозяйки позволения пройти с дочерью по саду. Наедине, по-стариковски, сказал он. Корнелия улыбнулась и разрешила. А что ей оставалось? Не запирать же наместника в гостиной.

В саду было темно и сыро. Отец шёл медленно, заложив руки за спину, гравий хрустел под его сапогами.

— Секретарь мой совсем от рук отбился, — говорил он. — Перепутал прошения, задержал отчёт в столицу. Я его чуть не выгнал перед отъездом. Двадцать лет служит, а тут будто подменили. Может, влюбился на старости лет, как считаешь?

— Может, и влюбился.

— Смотри-ка, защищаешь. — Отец хмыкнул. — Раньше ты его терпеть не могла. Говорила, у него руки холодные и он на тебя смотрит, как на прошение с ошибкой.

— Я выросла, отец. Теперь я знаю, что холодные руки не самое страшное в человеке.

Он покосился на меня, но смолчал. Мы прошли до конца дорожки и повернули назад, к светящимся окнам.

— Ну а теперь рассказывай.

— Что рассказывать, отец?

— Всё, чего не было в письмах. Письма твои я читал. Гладкие письма. — Он остановился и повернулся ко мне. — Ты писала такие же гладкие, когда тебе было двенадцать и ты разбила материну вазу.

Я засмеялась. Смех вышел настоящий, первый настоящий за все эти дни, и от него защи-пало в глазах.

— Дом чужой, отец. Пишу, что можно.

— А говорить что можно?

Ночь стояла вокруг тихая. Где-то за спиной светились окна дома Эшфордов, все до одного. Я могла сказать сейчас. Слова были простые: увезите меня, отец. Он бы увёз. Он бы посадил меня в карету этой же ночью, заплатил бы неустойку, пережил бы скандал и глазом не моргнув выдержал бы всё, что сказала бы ему провинция.

И через полтора года его увели бы на плаху, а я смотрела бы из отцовского дома, как это происходит, и не смогла бы предъявить никому ничего, кроме своих домыслов.

— Мне сказали про коменданта, — произнёс отец, не дождавшись ответа. Голос у него стал строгий. — После. Когда всё уже случилось. Ты могла отказаться?

— Это честь, отец.

— Я спросил не это.

Гравий хрустнул. Я смотрела на тёмные розы у шпалеры и выбирала слова.

— Я согласилась сама. Так было нужно для дома, в который я вхожу.

— Для дома. — Он повторил это слово, взвешивая. — Амалия. Посмотри на меня.

Я посмотрела. В темноте его лицо было серым и старым, и глаза блестели.

— Если хочешь, я увезу тебя, — сказал отец. — Сегодня. Сейчас. Неустойку заплачу, скандал переживу, я не так беден и не так стар, как им кажется. Скажи слово, и утром ты проснёшься дома.

Вот она, дверь. Настежь распахнута. А за ней отцовский дом, и моя старая комната. И жизнь, в которой не надо мило улыбаться своим убийцам за завтраком.

Но и плаха в конце. Для него.

— Я хочу замуж, отец, — сказала и улыбнулась ему. — Правда хочу.

Это была самая тяжёлая ложь в обеих моих жизнях. Отец смотрел на меня долго, ища признаки лжи, и я держала улыбку, как ведро с водой на весу: руки дрожат, а поставить нельзя.

— Ну, раз хочешь, — сказал он наконец.

Не поверил. Наполовину не поверил, я видела. Но у него не было ничего, кроме моего слова, а слово я дала твёрдое.

Обратно мы шли молча. У крыльца он взял меня за руку, повернул ладонью вверх и вложил в неё маленький свёрток.

— От матери осталось. Хотел на свадьбе отдать, при всех, да передумал. Это не для всех.

В свёртке была цепочка с кулоном: серый речной жемчуг, простенькая старая оправка. Мамина. Я помнила эту цепочку у её горла и помнила, как в прошлой жизни отец отдал мне её точно так же, у этого же крыльца, с этими же словами.

Тогда я её потеряла. В первый же год, в этом доме, и даже не заметила когда. Хватилась перед родами, перерыла все шкатулки, ревела полдня, а Дэмиан утешал: купим другую, лучше. Другую. Лучше.

Я сжала кулон в кулаке так, что оправка отпечаталась на ладони.

— Спасибо, папа.

— Носи. — Он смотрел в сторону, на фонарь у ворот. — Мать бы порадовалась. Она в тебе души не чаяла, всё боялась, что я тебя заучу своими бумагами. Не заучил вроде.

— Не заучили.

— Вот и славно. — Он кашлянул. — Иди спать, Ами. Завтра длинный день.

Он крикнул, отвернулся и стал подниматься по ступеням, громко ругая здешнюю сырость.

Ночью я не спала.

Дом затих поздно. Я слышала, как разошлась прислуга, как сторож протопал свой полночный круг, как ветер возил по крыше мокрые ветки. Я лежала одетая поверх покрывала и слушала.

В прошлой жизни это случилось в такой же час, между полуночным обходом и четырёх-часовым.

Тогда в дверь поскреблась Фелма, перепуганная до икоты: к вам гость, миледи, я говорила, что нельзя, а он... И осеклась, потому что он уже стоял за её плечом, в тёмном, без мундира, и от него пахло дождём.

Он отослал Фелму взглядом. Я сидела в постели, натянув одеяло до подбородка, и он на это усмехнулся, отвернулся к окну и заговорил, буднично, будто продолжал давний разговор.

Он сказал, что завтрашней свадьбы не будет. Что с Эшфордами он разберётся сам. Всё это вопрос трёх дней. Что он берёт меня в жёны и что в столице мне понравится больше, чем в этой сырости.

Он не спрашивал. Он ставил меня в известность, спокойно и по-хозяйски, и вот тут я перестала бояться, потому что во мне всё застыло, ведь я любила Дэмиана. Ведь ради него только легла с драконом.

Я сказала ему, что скорее выйду за убийцу, чем за него.

Он выслушал, наклонив голову, будто запоминал формулировку. Потом подошёл и положил мне на одеяло браслет. Тёмные бусины, половина с крохотными узорами.

«Он из слёз хрустального дракона. Называется „Второй шанс“. Надеюсь, ты мне его дашь».

Я хотела швырнуть подарок ему вслед. Он сказал от двери, не оборачиваясь: он не берёт назад ни слов, ни подарков. И вышел. И больше я его не видела, до самого конца своей первой жизни.

Часы внизу пробили два.

Я лежала и слушала. Дом молчал. Дождь перестал, и стало слышно, как капает с крыши, реже и реже.

В три я встала и подошла к окну. Двор был пуст, ворота заперты, у ворот горел фонарь, и в его свете блестела мокрая брусчатка. Никого.

Ну и что ты стоишь? Что ты хочешь увидеть? Он расплатился и уехал. Тебе всё сказали ещё утром, бросив чешую на кровать.

Я вернулась в постель и легла лицом к стене.

Он не пришёл.

Дурочка. Радуйся: одной переменной меньше.

Но радости не было. Была дыра размером с пропасть в груди.

Под утро я всё-таки задремала, и мне приснился Тео. Он сидел на коленях у старухи, тянул её за палец и улыбался кривой улыбкой, одним зубом, и я во сне знала, что нельзя подходить, потому что если подойду, всё кончится.

Разбудил меня стук.

Я села рывком, с колотящимся сердцем, босиком дошла до двери и распахнула её раньше, чем успела подумать, кто может стучать в такой час и почему у меня дрожат руки.

За дверью стояла Корнелия. Одетая, причёсанная, со свечой.

— Не спите, дитя моё? Вот и славно. — Она вошла, не дожидаясь приглашения, и поставила свечу на стол. — Сядьте. Перед тем как вас начнут одевать, нам нужно поговорить о вашей брачной ночи.

Глава 5

Я села. Корнелия расположилась напротив, поставила свечу между нами и сложила руки на коленях. За окном ещё стояла темень, и в стекле отражались два наших лица, её спокойное и моё мятое.

— Вы умная девочка, поэтому я буду коротка. — Она говорила вполголоса, гладко, заранее сложенными фразами. — Сегодня вы войдёте в род. С этого дня всё, что было до алтаря, остаётся до алтаря. Вы понимаете меня?

— Не совсем, миледи.

Понимала я прекрасно. Просто хотела, чтобы она произнесла это вслух, своими губами, в пять утра, при свече.

— Мой сын горд. — Корнелия наклонилась ко мне через свечу. — Мужчины не любят напоминаний о том, чем они не распоряжались. В вашей спальне не было никакого дракона, дитя моё. Ни сегодня не будет, ни через год, никогда. Ни словом, ни вздохом, ни взглядом. Для мужа вы начинаетесь этой ночью.

Свеча потрескивала. Я смотрела на её руки, ухоженные, спокойные, с обручальным кольцом вдовы, и думала: вот этими руками ты через полтора года подпишешь Сайласу мою смерть, а сейчас учишь меня, как вздыхать в постели твоего сына.

— Я поняла, миледи.

— Будьте с ним ласковы. Мужчину привязывает не красота, запомните это, красота приедается. Мужчину привязывает покой. — Она поднялась и оправила юбки. — И ещё, милая. После обряда, я полагаю, вы исполните традицию до конца.

— Чешуя перейдёт роду, миледи. Как положено.

— Вот и славно. — Она взяла свечу, у двери обернулась, и голос её потеплел на градус. — Добро пожаловать в семью, Амалия.

Дверь закрылась. Я сидела в темноте и слушала, как удаляются её шаги и звенят ключи. Добро пожаловать в семью.

Одевали меня долго, вчетвером.

Нижние юбки, корсет, чулки, само платье, тяжёлое, как хорошая кольчуга. Ворот, поднятый по требованию Корнелии, стоял под самым подбородком и закрывал шею целиком. Я была ему благодарна: под ним не видно было, как я сглатываю.

Кулон матери я надела под лиф, на голое тело. Фелма увидела и ничего не сказала, только поджала губы, чтобы не разреветься раньше времени. Разревелась она на фате.

— Красавица, — всхлипывала она, расправляя кружево. — Всем красавицам красавица. Мать бы поглядела...

— Фелма.

— Молчу.

Отец ждал внизу, в парадном сюртуке, с орденой лентой, которую надевал трижды в жизни. Увидел меня на лестнице и встал по стойке, как на смотре. Только желваки выдали.

— Ну, — сказал он. — Ну.

И больше ничего не сказал, а предложил мне руку.

В карете отец молчал. Смотрел в окно, на мокрые поля, и держал мою руку на своём колене, накрыв сверху ладонью, как в детстве, когда мы ездили к бабке в горы и я боялась обрывов. Так и доехали, не сказав ни слова. Всё нужное мы сказали вчера в саду, а ненужного он говорить не умел.

Храм был набит битком: провинция съехалась вся, до последнего захудалого рода. Пахло воском, ладаном и мокрой шерстью, у дверей толпились те, кому не хватило мест. Я шла по

проходу под руку с отцом, и по сторонам поворачивались головы, ряд за рядом, как колосья на ветру.

У алтаря ждал Дэмиан. Красивый. В синем с серебром, причёсанный волосок к волоску, и улыбался он мне так, что три дамы в первых рядах приложили платки к глазам.

В прошлой жизни я шла по этому проходу и не чувствовала пола под ногами. Я смотрела на него и думала: за что мне такое счастье. Дословно так и думала. Вот именно этими словами.

Теперь я шла и считала. Шагов до алтаря тридцать два. Свидетелей две сотни. Полтора года до плахи, если позволить.

Отец передал мою руку Дэмиану. Ладонь у жениха была холодная и чуть влажная, и я отметила это с удовольствием: нервничает. Не из-за меня, понятно. Из-за двух сотен свидетелей и матери в первом ряду.

В третьем ряду, между матерью и какой-то тёткой в лиловом, сидела Селестина. Лицо у неё было прилежное и праздничное. Только пальцы работали: они выдёргивали из кружевного платочка нитку за ниткой и складывали их на колено.

Я поймала себя на том, что смотрю на эти пальцы с сочувствием. Рви, милая. Знала бы ты, как охотно я отдала бы его тебе прямо сейчас, вместе с лентой, кольцами и матушкой в придачу.

Жрец связал нам запястья серой лентой и начал читать. Я стояла, смотрела на огонь алтаря и повторяла за ним слова обряда безэмоциональным голосом.

На середине обряда я почувствовала взгляд. Не общее внимание зала, к нему я притерпелась за день, а один взгляд, тяжёлый и точный, между лопаток.

Я не обернулась. В нужном месте я сказала «да».

— Да, — сказал Дэмиан.

Пусть так.

Лента развязана, кольца надеты, толпа выдохнула и захлопала. Дэмиан наклонился и поцеловал меня. Поцелуй был бережный и рассчитанный на публику, и публика одобрительно загудела. Губы у него были мягкие.

Я улыбалась. Фата, слава небу, смягчает любую улыбку.

Мы шли обратно по проходу под гул и поздравления, и у самых дверей я его увидела.

Комендант стоял в стороне от толпы, у колонны, в парадном тёмном мундире. Гости держались от него на три шага, будто у колонны топилась печь. Он смотрел на нас. На меня.

Локоть Дэмиана под моей рукой сделался деревянным. Где-то позади шумно набрала воздуха Корнелия.

Я наклонила голову, приветствуя, как положено приветствовать дракона. Он не ответил. Просто смотрел, и взгляд у него был равнодушный, поверх всего свадебного шума.

Тебя звали из вежливости. Звали и молились всем домом, чтобы ты не пришёл. А ты явился.

Пир накрыли в большом зале, на две сотни приборов. Коменданта усадили по правую руку от Корнелии, на место, которое спешно освободил какой-то барон. Первые полчаса зал разговаривал вполголоса.

Он не ел. Пил воду и слушал тосты так, как, наверное, слушал доклады у себя в управе.

К нам он подошёл один раз.

— Леди Эшфорд. — Он наклонил голову ровно настолько, насколько требовал протокол. Золотые глаза были ясные и холодные. — Поздравляю. Вы своего добились. Долгой семейной жизни.

— Благодарю, ваша светлость. — Я присела в реверансе и посмотрела ему в лицо. — Ваш вклад в моё счастье неопеним.

Рядом со мной перестал дышать Дэмиан. Комендант смотрел на меня три долгих удара сердца, и в глазах у него что-то происходило. Потом уголок рта дёрнулся, зло и быстро.

— Не сомневаюсь, — сказал он и вернулся к столу.

Тосты пошли по кругу с холодных закусок и к жаркому сделались длинными.

Люциан поднялся с бокалом ближе к десерту, дождался тишины и обвёл зал глазами.

— За молодой дом, — сказал он. — За красоту, за верность. И за наследников, которых мы все ждём. Пусть род Эшфорд умножится.

Зал грохнул одобрением. Дэммиан встал и поклонился, Корнелия прижала руку к груди. Я подняла бокал и пригубила, не чувствуя вкуса.

За наследников. Умножайся, род Эшфорд. Я тебя умножу так, что мало не покажется.

Первый танец молодых открывал бал. Дэммиан вёл уверенно и красиво, потому что чувствовал, что на нас все глаза зала.

— Ты сегодня красивее всех, — сказал он мне на ухо. — Я самый завидный муж провинции.

— Ты преувеличиваешь.

— Ничуть. Спроси кого хочешь.

Я улыбалась и считала фигуры танца. И с первой фигуры до последней я чувствовала со стороны столов его взгляд, ровный и тяжёлый, как ладонь на затылке.

Не смотри туда. Считай.

Поворот. Через его плечо открывался угол зала, где у колонны стояли Люциан с Корнелией. Люциан говорил, наклонившись к её уху, недолго, фраз пять. Корнелия слушала, глядя в зал перед собой, и за всё это время ни разу не улыбнулась, хотя вокруг все праздновали свадьбу её сына.

Когда танец кончился и нас обступили с поздравлениями, Корнелия уже снова сияла, а Люциан любезно склонялся к руке какой-то графини. О чём бы они ни говорили у колонны, к свадьбе это отношения не имело.

Я запомнила и это.

Селестина подошла с поздравлениями под конец, когда очередь схлынула. Расцеловала меня в обе щеки, обдав тёплым запахом духов.

— Вы самая красивая невеста, какую я видела, — сказала она, сияя. — Дэммиан весь вечер смотрит только на вас. Мне бы так.

— Будет и у вас, милая.

— Обещаете? — Она засмеялась, легко и звонко, и отошла к матери.

Комендант уехал до десерта, не прощаясь с хозяевами. Корнелия проводила его до дверей, вернулась легче на десять лет и велела подавать игристое.

И только тогда по залу пополз шёпот. Начал его толстый сосед Эшфордов, который весь вечер пил, а теперь наклонялся то к одному, то к другому: слышали? У зерноторговца на нижней пристани амбары опечатали. Люди коменданта. Вчера пришли, всё перемерили и повесили печати, а хозяина увезли в управу.

Шёпот полз от стола к столу, и лица делались задумчивые. Корнелия перехватила его на середине зала.

— Господа, — сказала она громко, с улыбкой, поднимая бокал, — сегодня в этом доме говорят только о любви.

Гости засмеялись и выпили за любовь. Разговор про амбары свернулся, как молоко.

Отец уезжал на завтра с рассветом, и прощались мы вечером, когда гости ещё гуляли. Он вывел меня из зала в холодную галерею, подальше от музыки.

— Хозяйство у них крепкое, — сказал он, глядя в тёмное окно. — Люди сытые. Муж твой... — Он пожевал губами. — Гладкий у тебя муж. Ну да ты сама выбирала.

— Сама, отец.

— Пиши мне. Не гладкое пиши, слышишь? Живое. — Он повернулся и взял меня за плечи. — И если что, Ами. Что угодно. Один гонец, и я здесь. Наместник я или кто.

— Обещаю.

Он притянул меня, ткнулся губами куда-то в фату, развернулся и ушёл в зал, к огням, очень прямой и очень старый со спины.

Один гонец, папа. Ты даже не представляешь, как сильно я буду молиться, чтобы не понадобилась.

Фелма уезжала с ним.

Так было положено: служанка невесты возвращается в род, из которого невеста вышла. Теперь меня будут одевать здешние, вышколенные, с глазами Корнелии на затылке. Я знала это с самого начала и всё равно оказалась не готова.

Она расшнуровывала меня в последний раз и ревела, уже не таясь.

— Как же вы тут одна, миледи... среди этих...

— Фелма.

— Молчу... Не молчу! — Она развернула меня к себе за плечи, маленькая, зарёванная, отчаянная. — Вы же не такая стали, я же вижу. Вы же будто на войну собрались, а не замуж вышли. Хоть бы словечко мне, хоть бы полсловечка...

Я взяла её мокрое лицо в ладони.

— Слушай меня. Служи отцу. Береги его.

Фелма замерла. Слёзы у неё ещё катились, а глаза уже сделались внимательные и трезвые.

— Конечно, — ответила она. — Как же иначе.

— Умница. Всё, иди собирайся.

Она поклонилась мне в пояс, по-старому, как моей матери, и вышла, прижимая к груди свой узелок с шитьём.

Вот теперь я осталась в этом доме по-настоящему одна. Как и было задумано. Задумано мной, напомнила я себе. Помогло не сильно.

Чешую я отдала в тот же вечер.

Когда гости схлынули, а музыканты доигрывали для самых стойких, я поднялась к себе, распоролла стежки на корсете и спустилась в малую гостиную, где у камина сидели мать с сыном. Оба замолчали, когда я вошла.

— Традиция исполнена до алтаря. — Я протянула Дэмиану свёрток. — Исполним её до конца. Чешуя принадлежит роду Эшфорд.

Дэмиан развернул платок. Чёрная пластина поймала каминный огонь и залоснилась, и мой муж просиял, будто ему вручили пони.

— Амалия... — Он поднял на меня глаза. — Спасибо.

— Дитя моё. — Корнелия встала, подошла и расцеловала меня в обе щёки, сухо и торжественно. — Я знала, что не ошиблась в вас.

Она забрала у сына чешую, взвесила на ладони и понесла к сейфу сама, не откладывая до утра. Ключи пропели ей вслед всю дорогу.

Я смотрела ей в спину и думала: вот и всё. Строптивую невесту объездили за неделю. Сначала показала зубки, потом дракон, потом свадьба, и вот она уже ручная, несёт в дом сокровища и заглядывает в глаза. Так это выглядит с вашей стороны, миледи, и смотрите на это почаще.

Дэмиан догнал меня на лестнице, взял за руку и пошёл рядом, через ступеньку, с куражом. От него крепко пахло игристым. На верхней площадке его качнуло, он поймал перила и засмеялся сам над собой.

У дверей спальни, моей новой спальни, супружеской, он остановился, развернул меня к себе и заправил мне за ухо выбившуюся прядь. Глаза у него блестели, и смотрели они на меня с небольшой рассеянностью.

— Наконец-то, — сказал он. — Наконец-то ты моя, жена.

В спальне горели свечи и ждал графин с напитком. Дэмиан налил себе, отсалютовал мне бокалом и выпил, не отрываясь. Потом потянулся ко мне.

— Дай мне четверть часа. — Я перехватила его руки и улыбнулась. — Я хочу привести себя в порядок для мужа. Подожди меня.

— Четверть часа. — Он поднял бокал. — Ни минутой больше, жена.

В купальне я заперла задвижку, открыла воду и села на бортик.

Вода набиралась, от неё шёл пар. Я разделась, забралась в тепло и стала слушать. За стеной ходили: шаги, звяканье стекла о стекло, обрывок песенки, снова стекло. Мой муж праздновал.

Я медленно мыла руки, палец за пальцем. Доливала горячей, когда остывало. Считала. На втором десятке минут за стеной скрипнула кровать. Потом ещё раз. Потом стало тихо, и в тишине проступил новый звук, ровный и низкий.

Храп.

Я выждала ещё сотню ударов сердца, вылезла, вытерлась и надела сорочку.

Дэмиан спал поперёк кровати, в рубашке и одном сапоге, свесив руку. Пустой бокал лежал на ковре, второй, недопитый, стоял на столике у изголовья. Свечи догорели до половины.

Я подняла бокал с ковра, чтобы не раздавил, задула свечи и легла на своей половине, вверх покрывала, лицом к окну.

За спиной мой муж завопил, подтянул к себе подушку и обнял её.

— М-м, — пробормотал он в неё нежно. — Тина...

Глава 6

Проснулась я от стога.

Дэмиан сидел на краю кровати спиной ко мне, держал голову обеими руками и стонал сквозь зубы, стараясь делать это тихо. Второй сапог валялся посреди ковра, куда мой муж, судя по всему, зашвырнул его во сне.

Я лежала не шевелясь и смотрела ему в спину.

Он встал, добрёл до столика, понюхал недопитый бокал и содрогнулся всем телом. Налил воды из умывального кувшина, выпил, налил ещё. Потом обернулся и увидел, что я не сплю.

— Амалия. — Голос был сиплый. Он прокашлялся и начал заново, уже с интонациями: — Доброе утро, жена.

— Доброе утро.

Он подошёл, сел рядом и взял мою руку. Глаза у него были больные и бегали: по мне, по постели, по своей рубашке, застёгнутой наперекосяк. Я видела, как он размышляет и как эти размышления у него не сходятся.

— Вчера я... — Он потёр висок. — Праздник вышел долгим. Я был не в лучшей форме. Я опустила глаза и поправила бретель сорочки. Медленно.

— Всё было хорошо, Дэмиан.

Пауза вышла длинной. Я не поднимала глаз и слушала, как он дышит. Потом он поднёс мою руку к губам и поцеловал в костяшки, бережно, с чувством.

— Прости, что потом уснул так... по-солдатски. — Он усмехнулся сам над собой. — Игривое у матушки коварное.

— Ты устал. Это простительно мужу.

— Ты чудо, — сказал он серьёзно. — Мне все говорили, что я счастливчик, но такого чуда я не заслужил.

Тут я была с ним совершенно согласна.

Он ушёл приводить себя в порядок, а я осталась сидеть в постели. Вот и всё. Ночь, которой не было, состоялась: муж запомнит её со слов жены, а жена оказалась щедрой. Врать оказалось до смешного легко. Люди сами достраивают то, чего стыдятся не помнить.

За завтраком Корнелия изучала нас обоих поверх кофейной чашки.

Дэмиан был бледен и героически ел. Я была тиха и опускала ресницы, когда муж смотрел в мою сторону. Молодая жена наутро после брачной ночи обязана быть смущённой, и я выдавала смущение отмеренными порциями.

К концу завтрака Корнелия расслабилась и заговорила о визитах, которые нам предстоит нанести. Экзамен я сдала.

Первая неделя замужества прошла у моего мужа под знаком вины.

Он присылал мне цветы из оранжереи. Он подарил мне кобылу, смирную, серую в яблоках, и лично выводил меня на прогулку по парку. Он был внимателен, остроумен и нежен ровно настолько, чтобы весь дом видел: молодой лорд Эшфорд обожает жену.

Я принимала всё со сдержанной благодарностью. Вина у мужчин быстро превращается в уступки. Пусть копится.

На пятый день, вручая мне очередную орхидею, он расщедрился окончательно:

— Проси что хочешь. Любой каприз молодой жены.

— Любой? — Я сделала вид, что задумалась. — Тогда отдай мне библиотеку.

— Библиотеку?

— Разреши мне разобрать её. Там всё стоит как попало, я смотрела: хроники вперемешку с романами, половина не разрезана. Дома я вела отцовскую библиотеку. Скучаю по этому занятию.

Дэмиан рассмеялся с облегчением: каприз выходил дешёвым.

— Вся твоя. Хоть переставь там всё вверх ногами.

Я поблагодарила и поцеловала его в щёку, мысленно уговаривая себя не тереть брезгливо губы. Библиотека занимала угловую комнату во втором этаже, и от её дверей до светлого дуба кабинета было одиннадцать шагов. Теперь у меня было законное право проводить в этом крыле часы.

Каприз действительно вышел дешёвым. Для него.

На восьмой день, вечером, он пришёл в спальню трезвым.

Я поняла это по шагам ещё в коридоре: трезвые шаги, ровные, с намерением. Он вошёл, сел на край кровати с моей стороны и положил руку мне на плечо.

— Дэмиан. — Я накрыла его руку своей и виновато вздохнула. — Прости. Сегодня нельзя. Женские дни.

— О. — Он моргнул. — Конечно. Прости, я не...

— Ничего.

— Отдыхай. — Он поцеловал меня в лоб и поднялся. — Доброй ночи, дорогая.

У двери его плечи распрямились. Он вышел лёгким шагом, и через минуту из его гардеробной донеслась вчерашняя песенка про мельникову дочку.

Я лежала в темноте и беззвучно смеялась. Мой муж получил законный повод не исполнять супружеский долг и унёс его из спальни, как награду. Ему не нужна я. Ему нужно, чтобы всё выглядело правильно.

Нам обоим было нужно одно и то же. Идеальный брак.

На прогулках верхом мой муж любил поговорить.

Серая кобыла шла подо мной смирно, парк стоял в утреннем тумане, и Дэмиан рассказывал: про соседей, про планы перестроить конюшни, про столичные новости. А потом, между делом, поворачивал к другому:

— Отец пишет тебе? Как он там, в своих заботах?

— Пишет. Жалуется на секретаря и на погоду.

— Тяжёлая ноша, наместничество. — Он покачал головой с сыновним сочувствием. — Налоги, рекруты, поставки, и за всё отвечай головой. Помощников-то у него довольно? Кому он доверяет из своих?

— Я в его дела никогда не входила, Дэмиан. Женщине они скучны.

— И правильно. — Он улыбнулся и сменил тему.

Через прогулку он возвращался к этому снова, всякий раз с другого бока: а велика ли у отца канцелярия, а часто ли он ездит по гарнизонам, а кто ведёт его переписку со столицей. Вопросы были невинные, тоном скучающим, и полтора года назад я отвечала бы на них не задумываясь.

Теперь я отвечала не задумываясь и пусто, понимая прекрасно, что мой муж собирал информацию о моем отце по крупяцам. Будто делал это для кого-то, и даже не прятался, потому что от жены прятаться незачем.

Спрашивай, милый. Я тебе даже помогу. Ближе к делу я подскажу тебе такое, от чего вся ваша постройка ляжет набок.

Отсмеявшись, я прикинула на пальцах. Женскими днями можно прикрываться неделю. Потом усталостью, головной болью, поездкой к портнихе. Месяц я протяну. А через месяц, если ночь гона сделала своё, прикрытие мне выпишет лекарь, и оно будет действовать до самых родов.

Если сделала. Об этом «если» я запрещала себе думать.

Недели пошли одинаковые, хоть заводи их по часам.

По утрам завтрак втроем. Потом Корнелия занималась домом, Дэмиан бумагами или отъездами, а я осваивала ремесло молодой леди Эшфорд: отвечала на поздравительные письма,

принимала соседок, выучила, кто из них с кем не разговаривает и почему. Соседки находили меня прелестной. Я и была прелестной: слушала, распахнув глаза, и мотала на ус всё, что сыпалось из них вместе с крошками печенья.

Сыпалось щедро. Баронесса Клов, самая частая гостья, приходила парой со своей золовкой, и вдвоём они покрывали сплетнями всю провинцию.

— А комендант-то всё сидит, — говорила баронесса, принимая третью чашку. — Из управы не выходит. Весовщиков затребовал, всех до одного, с книгами за три года. Мой Готфрид говорит: к зиме половина пристани по миру пойдёт.

— И поделом, — поджимала губы золовка. — Довешивали.

— Все довешивают, душа моя. Не всех проверяют.

Я разливала отвар и слушала. Комендант сидел в управе, тряс весовщиков, и провинция уже поняла главное: он приехал надолго и копает подряд. Для Эшфордов это значило одно, для меня совсем другое, и своё «другое» я убирала подальше, к прочим запретным мыслям.

— А младшая Арджент, слышали? — Баронесса понизила голос до сдобного шёпота. — Заказала у ювелира мужской перстень. С гравировкой. Сама выбирала камень, час просидела.

— Жених? — ахнула золовка.

— В том и дело, что жениха нет. Спрашивается, кому.

Обе повернулись ко мне, полные надежды: молодая леди Эшфорд дружна с Арджентами, вдруг знает. Я развела руками и предположила, что перстень для лорда Люциана, к юбилею. Дамы разочарованно согласились.

Ключей мне не дали.

— Хозяйство пока останется на мне, дитя моё, — сказала Корнелия, когда я со всей почтительностью спросила о своих обязанностях. — Вам надо освоиться. Успеете ещё, наносите этих ключей на своём веку.

Она похлопала меня по руке и удалилась, звеня. Я поклонилась ей вслед. Освоиться. В переводе с её языка: в этом доме ты гостья с кольцом, и не забывай об этом.

Я и не забывала. Я помнила об этом каждый раз, когда проходила мимо светлых дубовых дверей кабинета, куда меня по-прежнему не звали.

Дважды за месяц Дэмиан возвращался из своих отъездов затемно.

Я не спала и слышала: копыта по брусчатке, голос конюха, шаги по лестнице мимо моей двери, к своей гардеробной. Наутро он был свеж, любезен и говорил, что засиделся у Реннера за картами.

После второго раза он зашёл пожелать мне доброй ночи прямо с дороги и наклонился поцеловать в лоб. От его сюртука пахло лошадью, мокрой пылью и, тонко, поверх всего, тёплыми духами. Я уже встречала этот запах. Им обдало меня на собственной свадьбе, вместе с поздравлениями и пожеланием счастья.

— Хорошо съездил? — спросила я.

— Скучно. — Он зевнул в кулак. — Реннер стал скверно играть. Спи, дорогая.

Я послушно закрыла глаза. Скверно играет твой Реннер, милый. Зато ты играешь всё лучше.

От отца пришло письмо: доехали благополучно, Фелма ревела до самой заставы, секретарь без него окончательно запустил дела, сплошные радости. В конце, после подписи, стояла приписка: «Пиши живое».

Я села и написала ему живое. Про кобылу в яблоках, про соседку, которая красит брови углём и от дождя они текут, про то, что здешняя кухарка кладёт в тесто вдвое меньше масла, чем наша, и пироги у неё получаются постные, как её лицо. Письмо вышло на четыре страницы. Запечатывая его, я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Пусть читают. В этом письме не было ничего, кроме дочери, которая скучает. И это тоже была правда, просто не вся.

А на исходе четвёртой недели меня замутило от копчёного гуся.

Гуся подали к обеду. Я наклонилась над тарелкой, вдохнула и еле успела поднести к губам салфетку. Комнату повело, во рту стало кисло, и пришлось долго и старательно дышать носом, глядя в скатерть.

— Вам нехорошо, дорогая? — спросил Дэмиан.

— Душно, — сказала я. — Прошу простить.

Наутро та же история вышла с кофе. Любимый запах встал поперёк горла, чашку пришлось отодвинуть и попросить отвара. День спустя я разревелась над письмом соседки, над списком гостей к её именинам, ревела четверть часа и не могла объяснить себе почему.

Я узнала их сразу, по первой же дурноте. С Тео начиналось именно так: гусь, кофе, слёзы на ровном месте.

Вечерами я запирала дверь, ложилась, клала ладонь на живот и лежала так подолгу. Там ничего ещё не чувствовалось, ни толчка, ни тяжести, одна моя ладонь и тишина. Но я разговаривала с этой тишиной.

Здравствуй, говорила я ей. Здравствуй. Это снова я. Иди ко мне, маленький, я всё решу, иди. Больше тебя никто не обидит.

Днём я это счастье прятала. Затягивалась, ела через силу, дурноту списывала на духоту и погоду. Мне нужно было время: собраться, обдумать, решить, когда и как подать эту новость дому.

Я забыла, с кем живу.

За завтраком в конце недели меня повело от паштета. Я переждала, глядя в скатерть, отпила воды и подняла глаза.

Корнелия смотрела на меня через стол. Она отставила чашку, сложила руки и прошлась по мне взглядом сверху вниз.

— Дитя моё, — сказала она нежно. — А когда у вас в последний раз были крови?

Глава 7

Я застыла с чашкой отвара в руке. Опустила глаза, пошевелила губами, будто подсчитывая про себя дни, и медленно подняла на неё растерянный взгляд.

Играть растерянность мне почти не пришлось. Я готовила эту новость к подаче, а её выхватили у меня из рук сырой.

— Я... не уверена, миледи. Кажется, давно.

Вилка Дэмиана звякнула о тарелку. Он переводил взгляд с меня на мать, и на его лице отразилось понимание.

— Амалия. Ты хочешь сказать...

— Она ничего не хочет сказать, — оборвала Корнелия и поднялась из-за стола. — Говорить будет лекарь.

Дальше дом пришёл в движение, и моего участия в нём не требовалось. Послали за лекарем. Меня увели наверх, уложили, укрыли и запретили вставать, будто я сделалась стеклянной за один завтрак. Корнелия распорядилась в коридоре, и голос у неё звенел, как её ключи.

Лекарь Брандт приехал к полудню: сухой старик с холодными пальцами и запахом аптечной горечи. Он мял мне живот, считал пульс, заглядывал в глаза, оттянув веко, и задавал вопросы, от которых Фелма покраснела бы до слёз. Я отвечала спокойно, потому что уже проходила через всё это.

— Что ж. — Он вытер руки поданным полотенцем и повернулся к двери, за которой стояла Корнелия. — Можете войти, миледи.

Корнелия вошла первой, Дэмиан за ней.

— Леди Эшфорд в положении. — Брандт сложил полотенце. — Недель пять, полагаю. К весне ждите.

Пять недель. Я лежала с приличным случаю смущённым лицом и держала это число зубами. Пять недель назад была свадьба. И ночь гона была шесть недель назад. Одна неделя разницы, которую не разглядит ни один лекарь на свете, а весной дитя попросится на свет по драконьему счёту, все скажут: первенец поторопился, бывает.

Я выдохнула. Медленно, через нос, чтобы никто не заметил, какой груз вышел из меня с этим выдохом.

— Предписания простые, — продолжал Брандт, укладывая инструменты. — Покой, воздух, никаких волнений. Никаких верховых прогулок. Стол лёгкий. И, разумеется... — Он повернулся к Дэмиану и посмотрел на него поверх очков со значением, отработанным за сорок лет практики. — Полный покой, лорд Эшфорд. Вы понимаете меня.

— Разумеется, — сказал Дэмиан с такой готовностью, что Брандт моргнул.

Вот и всё. Прикрытие мне выписали, печать поставили, и муж принял его с облегчением, которое разглядела в комнате только я. До самых родов моя спальня принадлежала мне одной, и заверил это лекарь с сорокалетней репутацией.

— Наследник, — сказала Корнелия.

Она произнесла это слово так, что стало понятно — ей это важно. Потом подошла, села на край моей кровати и взяла меня за руку. Глаза у неё блестели, и я готова поклясться: блестели искренне.

— Умница. Умница, девочка моя.

Девочка моя. Не дитя моё, заметьте. Я поднялась в цене на целое обращение.

Дэмиан стоял в ногах кровати и смотрел на меня во все глаза. Потом обошёл кровать, опустился на колено, взял мою свободную руку и прижал к губам. Надолго.

— Спасибо, — сказал он глухо.

И вот что странно: это было искренне. Мужчина, получивший наследника, благодарен той, что его принесла, как благодарен игрок кости, выбросившей шестёрки. Кости он тоже целует.

К вечеру о новости знал весь дом, на завтра вся округа.

Корнелия в тот же день села за письма. Я насчитала четыре: отцу, как положено, свёкрам её покойной сестры, старой подруге в столицу. Четвёртое письмо она писала дольше всех, дважды начинала заново, а адрес надписывала, прикрыв лист ладонью.

Люциану, стало быть. Интересно, миледи, что в этой новости требует таких тщательных формулировок. «Поздравьте нас» пишется в два слова.

Меня же с этого дня начали беречь.

Слово было ласковое, а на деле вокруг меня сомкнулась вторая клетка, поменьше первой. Вставать поздно. Гулять только по парку и только с сопровождением. Верхом нельзя, кобылу в яблоках увели на дальнюю конюшню. За стол мне теперь подавали отдельно: протёртое, паровое, полезное. Корнелия лично составляла мой день, будто караульное расписание, и щелей в нём не оставалось.

От отца письмо пришло через неделю, толстое. Он писал, что новость застала его на выезде, что он немедленно выпил с гарнизонным полковником лишнего и не жалеет, что Фелма ревела от счастья в голос и перебила на радостях посуду. В конце, отдельной строкой, стояло: «К родам приеду, не спорь. Внука без меня не называть».

Я прочла письмо трижды и спрятала под кулон матери, в один ящик.

К родам приеду. В прошлой жизни он тоже приезжал: держал внука, как вазу, боялся дышать. У этого письма всё ещё был шанс сбыться слово в слово, и ради этого шанса я жила в караульном расписании Корнелии, тихая, как мышь под метлой.

Я сопротивлялась в одном месте, зато насмерть.

— Библиотека, миледи. Лекарь Брандт сам сказал: лёгкие занятия полезны, дурные мысли вредны. Без книг у меня дурные мысли.

Корнелия посопротивлялась для порядка и уступила. В конце концов библиотека в доме, под крышей, под присмотром. Плацдарм в одиннадцати шагах от кабинета остался за мной, и это была единственная моя победа за неделю. Мне хватило.

Корнелия взялась за приданое сама.

По вечерам она сидела в малой гостиной с пальцами и вышивала на крохотных распашонках герб Эшфордов, серебром по белому. Работала она красиво, стежок к стежку, и лицо у неё над пальцами делалось мягким и молодым.

Я сидела напротив с книгой и смотрела на её руки поверх страниц.

В прошлой жизни Тео носил эти распашонки. Я помнила серебряный герб, замусоленный у ворота, потому что он вечно тянул его в рот. Эта же женщина вышивала. Эта же женщина потом натравила на нас Сайласа.

Она поймала мой взгляд и улыбнулась.

— Первому внуку — всё лучшее, — сказала она. — Вы что-то бледны, дитя моё. Велеть подать отвар?

— Благодарю, миледи. Просто задумалась о будущем.

— О будущем думать вредно. — Она откусила нитку. — Будущее делается само, если в настоящем всё делать правильно.

Запомню, миледи. Слово в слово запомню.

Дэмиан теперь заходил ко мне по вечерам, трезвый, тихий и непривычно домашний. Садился в кресло у камина, рассказывал, как прошёл день, и смотрел на меня подолгу.

— Я думал про имя, — сказал он однажды. — Если будет сын. Теодор. В честь деда, отца моего отца. Он этот дом построил. Матушка будет счастлива.

У меня остановилось дыхание. На один удар сердца, на два. Я смотрела в огонь и ждала, когда голос вернётся и станет надёжным.

— Теодор, — повторила я. — Красиво. А звать как? Тео?

— Тео. — Он попробовал имя на вкус и улыбнулся. — Тео Эшфорд. Звучит.

Звучит, милый. Ты даже не представляешь, как для меня это звучит. Имя пришло само, через твоего прадеда, в точности как в прошлый раз, и мой сын снова будет Тео, хотя здесь я не меняла ничего. Есть вещи, которые возвращаются сами, будто ждали за дверью.

И знаете, что самое странное во всём этом времени? Счастье было настоящим.

Я играла счастливую молодую жену в положении: округляла глаза на суету, благодарила за паровые котлеты, позволяла кутать себе ноги пледом. Спектакль шёл ежедневно, при полном зале. Но под спектаклем, в самом низу, лежало то, чего играть не приходилось. Я просыпалась по утрам, клала ладонь на живот, ещё плоский, и первую минуту дня просто лежала и была счастлива. Впервые за обе жизни роль и правда совпали. Хоть в чём-то.

По ночам я разговаривала с ним уже в голос, шёпотом, в подушку.

Тео. Слышишь, Тео. Это я. У нас всё получается, маленький. Расти. Остальное я беру на себя.

В первый же погожий день Корнелия вывезла меня в храм, на люди.

Так полагалось: жена, понёсшая наследника, ставит свечу роду и принимает поздравления округи. Я стояла у алтаря в новом платье, уже с расставленной шнуровкой, хотя расставлять пока было нечего, и принимала: поклоны, улыбки, взгляды. Взгляды были разные. Дамы постарше прикидывали мои недели, дамы помоложе изучали моё платье, и всех до единой занимало моё везение.

Баронесса Клов протолкалась первой и расцеловала меня со слезой.

— Деточка! В первый же год, вот же благословение. — И, не переводя дыхания, выдала главное: — А комендант-то отбыл, слышали? В столицу, со всеми своими чинами. Управа три дня гуляла, мой Готфрид до сих пор лежит.

— Рада за барона, — сказала я кротко.

— И не говорите! — Она начертила надо мной охранный знак и уступила место следующим.

Комендант уехал. Столица забрала его вместе с проверкой: печати с амбаров сняли, весовщиков распустили по домам, и провинция расправляла плечи. Склады у реки так и остались нетронутыми.

Я сложила эту кроху в общую копилку и держала лицо счастливой богомолки. Уехал и уехал. Мне-то что. Письмо, если однажды понадобится, дойдёт и до столицы.

Мне-то что. Я повторила это про себя ещё раз, для верности.

Ардженты приехали с поздравлениями в конце недели, всем семейством.

Бинейла привезла ворох столичного детского приданого, такого тонкого, что страшно взять в руки, и с порога затопила гостиную советами. Селестина расцеловала меня, села рядом и держала меня за руку.

— Как я рада, — повторяла она. — Как я за вас рада.

Рука у неё была холодная. За окном стоял тёплый вечер.

— Вы теперь совсем, совсем Эшфорд, — говорила Селестина, поглаживая мою ладонь. — Дэмиан, наверное, на седьмом небе. Он ведь удивительный, когда счастлив. Делается как мальчишка, поёт, дурачится... — Она осеклась на полуслове и засмеялась, легко поправившись: — Так матушка его рассказывала.

— Наверное, — согласилась я. — При мне он держится солиднее.

— Ну конечно. — Селестина сжала мою руку. — При жене положено солидно.

Поёт и дурачится. Я знала одну песенку, милая. Про мельникову дочку. Интересно, при ком он её поёт, когда счастлив по-настоящему.

Люциан поздравил меня сдержанно и по-отечески, справился о здоровье и о самочувствии наместника, посетовал, что дороги развезло и почта ходит долго. Взгляд его при этом прошёлся по мне, по моему пока незаметному животу, короткий взгляд оценщика, принимающего в опись новую единицу.

За ужином он поднял бокал.

Все стихли. Люциан не спешил: посмотрел вино на свет, повернулся к моему мужу, и улыбнулся.

— За наследника рода Эшфорд, — сказал он. — Ну что ж, мой мальчик. Теперь ты человек с будущим.

Глава 8

К первому снегу я знала библиотеку Эшфордов наизусть, а крыло, в котором она стояла, ещё лучше.

Книги я разбирала честно. Сняла с полок всё, переписала в тетрадь, рассадила по наукам и векам, велела лакею стереть пыль с верхних ярусов. Хроники здесь не открывали лет тридцать, романы читали до дыр, а между хрониками и романами обнаружился травник с закладкой на странице о сонных отварах. Закладка была старая. Я поставила травник на место и запомнила полку.

Работа была неспешная и мирная, а главное, она давала мне часы в угловой комнате. Из её окон просматривался двор, а через приоткрытые двери слышался весь коридор.

На нижних полках, под слоем пыли в палец, обнаружилось сокровище, которого я не заслужила. Хозяйственные книги дома за старые годы. Толстые, в потёртой коже, со времён покойного лорда Эшфорда. Их сослали в библиотеку за ненадобностью, и я разбирала их с полным правом, у всех на виду.

Читала я их, как романы. Сколько дом берёт леса на зиму. Сколько железа уходит на подковы, петли и ободья в обычный год. Что почём у здешних купцов и какими обозами возят. Скучные столбцы, мирные цифры, и в голове у меня из них складывалась мерка честного года Эшфордов.

Мерка мне была нужна позарез. Нельзя увидеть лишнее, если не знаешь, сколько положено.

За месяц я выучила распорядок этого крыла лучше, чем местный кот.

Кабинет Дэмиана убирали раз в неделю, по пятницам, и убирал его один только Гривс, старший лакей, при запертых изнутри дверях. Ключ от кабинета муж носил при себе, в жилетном кармане, на общее кольцо его не вешали. Второй ключ, я не сомневалась, звенел у Корнелии на поясе, среди прочих.

По вторникам, после почты, Дэмиан запирался у себя на час, и из-за светлого дуба не доносилось ни звука. По четвергам он уезжал верхом и возвращался к ужину. Расспросы про отца, про канцелярию и переписку прекратились ещё осенью, все разом, будто кто-то убрал их из списка.

Собрал, значит. Всё, что можно взять с жены, взято.

Ну и славно, милый. Теперь моя очередь собирать.

В одну из пятниц я подгадала пройти мимо кабинета, когда Гривс носил туда ведра и щётки.

Дверь стояла настежь, пока он таскал воду, и за эти четыре шага я взяла глазами стол зелёного сукна у окна, бюро с опущенной крышкой и шкаф за проволочной решёткой.

Обычный кабинет делового человека. Где-то в нём стоял и сейф, надёжный, ещё от покойного лорда Эшфорда, но отсюда, из коридора, я его не видела, а Гривс уже возвращался с последним ведром.

— Миледи. — Он поклонился, пропуская меня. — Осторожнее, тут мокро.

— Благодарю, Гривс.

Я поплыла дальше, к библиотеке, услышав, как запирается дверь изнутри.

Обоз я услышала в середине зимы, ночью, сквозь первый некрепкий сон.

Сначала я решила, что это ветер возит ворота. Потом различила колёса. Тяжёлые, гружёные, по мёрзлой дороге, и не по парадной аллее, а в объезд, со стороны служб. Я встала, накинула шаль и подошла к окну, не зажигая свечи.

На чёрном дворе шла работа, и не только там. В окнах кабинета, за плотными шторами, лежала полоска света. Мой муж не спал. Товар, стало быть, принимали с бумагами.

Три подводы стояли у дальнего амбара. Нет, четыре, четвёртая как раз заезжала. Фонарей было два на всё, и оба прикрученные, света в них оставалось на ладонь. Люди работали молча и быстро. Снимали, носили, укладывали. Слышался только скрип снега и стук дерева о дерево, глухой и тяжёлый.

Я стояла за шторой и смотрела, пока последняя подвода не ушла в темноту.

В прошлой жизни я много раз слышала эти колёса. Слышала и переворачивалась на другой бок. Хозяйство большое, мало ли что возят. У меня тогда был муж, дом и своё место в этом доме, и ночные телеги меня не касались.

Теперь я вернулась в постель, легла и задумалась. Середина зимы. Ночь с четверга на пятницу. Четыре подводы, гружёные, тяжёлые, со стороны служб, к дальнему амбару.

И тут он толкнулся.

Изнутри, под ладонью, коротко и требовательно, первый раз за всё время. Я замерла, не дыша, и он толкнулся ещё раз, будто проверял, дошло ли.

Дошло, маленький. Дошло.

Я лежала в темноте, держала ладонь на животе и улыбалась в потолок, как дура. За окном давно всё стихло, снег шёл на чёрный двор, на следы колёс, на крышу дальнего амбара, и к утру от ночи не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Наутро я спустилась к завтраку позже всех и, зевая, пожаловалась, что дурно спала. Ночью что-то гремело во дворе, телеги, что ли.

— Зимние закупки, дитя моё. — Корнелия даже не подняла глаз от письма. — До распутицы надо всё завезти, потом дороги встанут. Велю, чтобы возчики не шумели.

Ответ вышел гладкий и подан был раньше, чем я договорила вопрос.

— Благодарю, миледи. Просто сон у меня теперь чуткий.

— Это пройдёт, — пообещала Корнелия и перевернула страницу.

Через две недели телеги пришли снова.

Я ждала их. Не каждую ночь, я не дура мёрзнуть у окна ночами. Если первая разгрузка легла на ночь с четверга на пятницу, то и вторую стоило караулить там же. В четверг я легла не раздеваясь, и после полуночи мёрзлая дорога отозвалась знакомым скрипом.

Три подводы. Тот же дальний амбар, те же прикрученные фонари, та же молчаливая работа. И полоска света в кабинете, аккуратная, как по линейке.

Значит, не закупка. Закупку не возят по расписанию, ночами, дважды в месяц. Так возят то, что идёт постоянным потоком и не должно попадаться на глаза. Я вернулась в постель озябшая и довольная. У ночных телег появилось расписание, а всё, у чего есть расписание, можно предъявить.

Днём, на прогулке, я попросила сопровождающую меня горничную дойти со мной до служб. Захотелось, мол, посмотреть на зимних лошадей, а беременным в причудах не отказывают.

Мы прошли мимо дальнего амбара. Ворота у него были старые, серые, в трещинах, а замок на воротах новый, воронёный, ярче петель втрое.

Лошади оказались прелестны. Я скормила им прихваченный хлеб и вернулась в дом совершенно счастливая.

Гость приехал через неделю после обоза, среди дня, в простой карете без гербов.

Из окна библиотеки я видела, как он выходил. Немолодой, в сером дорожном платье, с плоским кожаным футляром под мышкой. Лица я толком не разглядела, запомнила посадку головы и то, как он оглядел двор, прежде чем подняться на крыльцо. Спокойно оглядел, похозяйски, углы и окна.

Слугам его не представили. Обедал он у Дэмиана в кабинете, туда носили на подносах, и Гривс потом спустился с пустой посудой и лицом глухонемого. К вечеру карета без гербов уехала.

За ужином я спросила, у нас ли гости, простодушно, между супом и жарким.

— Управляющий с южных владений, — сказал Дэмиан, не поднимая глаз от тарелки. — Скучные дела, аренда. Тебе в твоём положении неинтересно.

— Совсем неинтересно, — согласилась я.

У Эшфордов не было южных владений. Приданое, земли, откупа, всю их опись Корнелия проговорила при мне ещё в Привитие, гордясь каждой строчкой, и юга в этой описи не стояло.

Знания мои пополнялись.

Один раз я попалась. Почти.

Я сидела в библиотеке над книгой тридцатилетней давности и выписывала в тетрадку цены на полосовое железо, когда в коридоре раздались шаги мужа. Узнала я их с опозданием, потому что считала его уехавшим.

Времени хватило на одно движение. Хозяйственная книга ушла под ворох модных листов, выписки под неё, а сверху лёг раскрытый роман, дамский, с виньетками.

— Вот ты где. — Дэмиан заглянул, скользнул взглядом по столу, по полкам. — Не скучаешь?

— Скучаю, — честно сказала я. — Читаю про герцога с разбитым сердцем. Все умрут, я чувствую.

— Сочувствую герцогу. — Он усмехнулся, снял с полки какой-то том, не глядя, и вышел.

Я досидела над виньетками ещё четверть часа, на всякий случай. Руки у меня не дрожали, и это было новостью. Полгода назад дрожали бы. Потом я убрала выписки за корсаж и дала себе два правила. Работать только в его отъезды. И выучить его шаги так, как выучила шаги Корнелии.

Зима шла, живот рос. Шнуровку распустили уже по-настоящему, походка у меня сделалась степенная, и весь дом умилялся, глядя, как молодая леди Эшфорд плывёт по галерее, придерживая поясницу. Корнелия смягчилась до того, что дважды позволила мне самой выбрать обед.

У Дэмиана появился перстень.

Я заметила его за ужином. Тонкое золото на мизинце левой руки, тёмный камень, по ободу мелкая гравировка, не разобрать. Раньше мой муж колец не носил, кроме обручального.

— Красивый, — сказала я. — Новый?

— Этот? — Он глянул на свою руку, будто увидел перстень впервые. — У Реннера выиграл. Тот три вечера отыгрывался, потом отдал. Память о великой битве.

Он рассмеялся, довольный шуткой, и разговор ушёл к другому.

Выиграл. У Реннера. Я вспомнила сдобный шёпот баронессы. Младшая Арджент час просидела у ювелира, сама выбирала камень. Мужской перстень с гравировкой, и жениха нет.

Носи, милый. Носи на левом мизинце свою великую битву. Я даже не стану подходить близко и разбирать буквы. Мне и отсюда видно, что там не имя Реннера.

Дэмиан был со мной нежен, покоен и почти счастлив. Наследник рос, жена не докучала, мать была довольна, а по четвергам его ждали где-то, где он пел про мельникову дочку. Идеальный брак работал, как хорошие часы, и заводить его не приходилось. Он заводился сам.

Тео рос и заявлял о себе.

Ночами он устраивал возню, стоило мне лечь, будто весь день копил. Я лежала на боку, смотрела в темноту и слушала его изнутри. Толчок, поворот, тишина, снова толчок. Изжога мучила меня от всего подряд, поясница ныла к вечеру, и всё это, каждую мелочь, я складывала и пересчитывала с жадностью ростовщика. В прошлый раз было так же. Значит, всё идёт как надо. Значит, это он, мой, до последней привычки.

Спи, говорила я ему. Спи, полуночник. В кого ты такой? И сама себе отвечала, что знаю, в кого.

Письма от отца приходили теперь каждую неделю.

Он писал про снег, который завалил северный тракт, про гарнизонного полковника, обывавшего его в кости, про Фелму, которая связала внуку чепец устрашающего размера. Письма были уютные, и я читала их по два раза, утром и на ночь.

Последнее пришло в четверг, толстое, с довеском. Отец вложил в него рисунок, план детской, которую затеял устроить у себя, чтобы внуку было где жить, когда станет гостить у деда. Детская была нарисована с окнами на юг и с камином, и напротив камина отец надписал: «кресло моё, не трогать».

Я смеялась, читая, гладила пальцем это «не трогать» и обещала себе, что Тео будет сидеть в этом кресле у деда на коленях, чего бы это ни стоило нам всем.

Ответ я начала сочинять сразу, ещё с письмом в руках. Одобрю окна на юг, потребую подушку для кресла и предупрежу, что внук будет голосистый, в деда.

А потом дочитала до конца.

В самом низу, после подписи, стояла приписка, тесная, будто её вжимали в оставшееся место:

«Да, вот ещё новость. Люциан прислал мне к празднику ящик южного вина, с письмом любезнейшим. С чего бы это он меня так полюбил, как считаешь?»

Глава 9

Ответ отцу я переписывала трижды.

Про детскую вышло легко. Окна одобрила, подушку для кресла потребовала, про голо-систого внука предупредила. А потом четверть часа сидела над чистой строкой и подбирала слова для главного, чтобы они выглядели неглавным.

Вписала между шуткой про Фелму и поклоном полковнику. «Вино южное к нашим зимам капризно, вы бы не спешили его открывать. Пусть отстоится до лучших времён».

Пустяк. Хозяйственная забота, каких в письме дюжина. Отец прочтёт и хмыкнет. А потом перечитает, потому что за всю жизнь я не написала ему про вино ни слова, и задумается, с чего бы дочери, не отличающей кларет от уксуса, давать погребные советы.

Письмо я, как заведено в этом доме, отдала незапечатанным. Печати здесь ставил Гривс, у себя в буфетной, и никто не говорил вслух, что бывает с письмами между моим бюро и его сургучом. Я и не спрашивала. Я просто писала так, чтобы чтение было приятным для всех.

Больше в конверт вложить было нельзя. Оставалось верить, что наместник, двадцать лет читающий прошения между строк, умеет читать и скрытые послания дочери.

Новость про коменданта принесла баронесса Клов, вместе с метелью и золовкой.

Она едва дала себя раздеть, так спешила. Уселась, приняла чашку и выложила с порога, торжествуя каждым словом. В соседней провинции взяли контрабандный обоз, ночью, на дальнем броде. Железо без клейм, полные сани. А при возчиках оказался боевой артефакт, запрещённый, из старых, и кто-то из них успел его разрядить. Представьте себе, душа моя, в самого коменданта. Выжгло полгруды, у всех на глазах.

Чайник у меня в руке дёрнулся, и кипяток пошёл мимо чашки, на поднос.

— Ах ты ж, — сказала баронесса. — Не пугайтесь так, деточка, вам нельзя.

— Простите. Рука соскользнула.

— Да что дракону сделается, — махнула золовка. — На них заживает, как на кошках. Говорят, он на ногах устоял и тем же вечером сам допрашивал возчиков.

— Три дня всё же отлёживался, — со знанием возразила баронесса. — Мне писали, три дня. Простого человека от такого хоронить нечего было бы. Столица гудит.

Дальше они спорили, откуда у возчиков артефакт, какого он был роду и сколько дней отлёживаются раненные драконы, а я разливала отвар по новой и следила за своей рукой, как за чужой. Рука больше не дрожала. Молодец, рука.

Мне-то что. Ранили и ранили, на нём заживает. Обычная новость из чужой жизни, из столицы, за три сотни вёрст отсюда.

За ужином я подала эту новость к столу, между рыбой и жарким, невинно, со слов баронессы. Метель, скука, о чём ещё говорить.

— Какой ужас, — сказала Корнелия и попросила передать соль.

Дэмиан промолчал. Он резал мясо, и нож у него дважды сорвался с кости. Потом он спросил, не находим ли мы, что повар пересушил жаркое, и Корнелия нашла, что пересушил, и ужин доехал до десерта на разговоре о поварах.

Ни одного вопроса. Ни где брод, ни чей обоз, ни что за железо. В доме, где хозяйство держат крепко, а сплетни любят нежно, новость о соседской контрабанде обязана была прожить хотя бы до чая. Её похоронили за две минуты, вместе с солью и поваром. Не буквально, конечно.

Я убрала эту новость подальше и заперла. Ночью она выбралась и просидела со мной до рассвета.

Зато к утру у меня было готово решение, ясное и злое. Хватит стоять у окна и складывать чужие телеги. Обоз с железом без клейм взяли за три сотни вёрст, на дальнем броде, и где-

то в этой цепочке, я чуяла печёной, лежал дальний амбар Эшфордов. Цепочку рвали с того конца. Мне пора было браться за этот.

Пора в кабинет.

Ключ решал всё, и путей к ключу было два. Связка Корнелии не покидала её пояса даже ночью, это я выяснила давно, по звону. Оставался жилетный карман мужа.

Травник ждал меня на своей полке, где я его оставила осенью.

Страница с закладкой открылась сама, по перегибу. Сбор сонный, мягкий, на шесть трав: половину из них мне заваривали каждый вечер от бессонницы, для беременных он безвреден. Внизу страницы чужая рука приписала карандашом, старым, полустёртым: «на кувшин вина вдвое».

Кто-то в этом доме уже ходил моей дорогой. Я решила не выяснять, кто и зачем. Меньше знаешь о чужих дорогах, дольше идёшь по своей.

Маршрут я отрепетировала заранее, честно и скучно.

Три ночи подряд, не таясь, я выходила из спальни и бродила по дому. Спускалась в буфетную за водой, стояла у окна в галерее, возвращалась. На вторую ночь меня встретил сторож, обмер и получил своё объяснение. Не спится, любезный, дитя толкается, хожу. Наутро Корнелия уже знала, покачала головой и велела ставить мне на ночь кувшин и второе одеяло.

Вот и всё. Беременная хозяйка, которая бродит ночами, за неделю стала в доме мебелью. Теперь встретить меня хоть сторож, хоть сама Корнелия в любом коридоре, у меня было готовое место в их головах, обжитое и скучное.

Свой вечерний сбор я перестала пить в тот же день. Выливала в цветочный горшок, а сухой остаток, который горничная оставляла мне на бюро, перекладывала в платок и прятала. За две недели набралось довольно, и пахло от платка сеном и аптекой.

Оставалось выбрать вечер. Я выбрала четверг: в пятницу утром мужу простительно быть помятым, в пятницу кабинет ждёт уборки, и всё, что я сдвину, спишется на щётки Гривса.

Накануне ночью я лежала без сна и в последний раз перебирала своё решение по звеньям.

Опоить мужа. Взять ключи. Войти в чужой кабинет, переписать чужие бумаги. Полгода назад от одного этого списка меня бросило бы в жар, а теперь я перебирала его, будто упряжь перед дальней дорогой, звено за звеном, на разрыв. Если он не уснёт, я весёлая жена, переборщившая с пряностями. Если проснётся среди ночи без меня, я брожу, всем известно, что я брожу. Если меня встретят у кабинета... У кабинета меня встретить не должны. Это звено я проверила трижды и оставила как есть, потому что без слабого звена упряжи не бывает.

Тео толкался, я гладила его сквозь живот и объясняла шёпотом, что бояться нам нельзя.

В четверг Дэмиан вернулся из своей поездки к ужину, оживлённый и надушенный чужим теплом. Я встретила его в малой гостиной, в шали, домашняя и круглая.

— Посиди со мной, — попросила я. — Метёт третий день, я одичала. Я сварила вино по маминому рецепту, с пряностями. Мне нельзя, а ты попробуй.

— Ты сварила? Сама? — Он рассмеялся, стягивая перчатки. — Моя жена варит вино. Матушка была бы в ужасе.

— Матушке не скажем.

— Не скажем, — легко согласился он и сел к огню.

Вино я варила и вправду сама, отослав горничную за корицей, которой в буфетной, по странному стечению, не нашлось. Гвоздика, мёд, апельсиновая корка. И сверх маминого рецепта одна щепоть, растёртая в пыль. На кувшин вдвое, спасибо неизвестному человеку, это написавшему.

— За сына, — сказал Дэмиан, поднимая первый бокал. — И за тебя, жена. Я, знаешь, не думал, что семейная жизнь бывает такой... удобной.

Он поискал слово получше, не нашёл и выпил.

Дэмиан пил и рассказывал. Про дороги, про Реннера, про то, что весной надо перестраивать конюшни. Он был размякший, домашний, смешной, и в другом мире, в жизни без оврага, этот вечер сошёл бы за счастливый. Я подливала, смеялась, где положено, и следила, как у него тяжелеют веки.

На середине второго бокала он стал путать имена. К концу его слова начали слипаться, он усмехнулся, потёр лицо.

— Разморило. Твоё вино, жена, коварнее матушкиного игристого...

— Это огонь. Посиди, я принесу тебе воды.

Когда я вернулась от буфета, нести воду было уже некому. Мой муж спал в кресле, уронив голову на плечо, и дышал глубоко и мерно. Я постояла над ним со стаканом, сосчитала до ста. Позвала по имени, тихо, потом в голос. Тронула за плечо.

Ничего. Только Тео толкнулся у меня под сердцем, будто спросил, начинаем ли.

Начинаем, маленький.

Ключи лежали в жилетном кармане. Кольцо, а на нём два ключа. Длинный, от кабинета, и малый, латунный, со сбитой бородкой. Я вынимала их дольше, чем шла потом через полдома. Пальцы работали, а сердце стучало у самого горла, гулко, казалось, на весь дом.

Полночный обход сторож закончил, до четырёхчасового было море времени. Коридоры стояли тёмные, знакомые до последней половицы. У светлого дуба я оглянулась, вслушалась и вставила длинный ключ.

Замок повернулся мягко, без скрипа. В этом доме всё было хорошо устроено.

В кабинете пахло чернилами. Штору я трогать не стала, свечу прикрыла ладонью и пошла по кругу. На столе лежали бумаги под пресс-папье, переписка, черновики прошений, скука. Шкаф за решёткой заперт, решётка частая, за ней корешки. Бюро с опущенной крышкой заперто тоже, и малый латунный ключ подошёл к нему, как родной.

Под крышкой стояли книги. Две.

Верхняя, в новой коже, с гербовым тиснением, парадная. Я открыла её. Закупки, расходы, жалованье, всё чинно, всё почти слово в слово по моей мерке честного года. Эту книгу можно было показывать хоть Надзору, хоть императору.

Нижняя была тоньше, старее, без тиснения, и углы у неё засалились.

Я открыла её на середине и первую минуту просто смотрела.

Те же месяцы. Те же будто бы поставки. Только цифры другие, втрое и вчетверо против верхних, и против железа стояли не имена купцов, а буквы и значки, столбиком, аккуратные, как стежки Корнелии. Внизу каждой страницы подбивался итог, и итоги эти складывались в такие суммы, рядом с которыми приданое моё смотрелось чаевыми в трактире.

Я повела пальцем по числам, и сердце стукнуло. Числа я знала. Обе мои ночи у окна стояли тут, чёрным по бумаге, строка в строку, и до них тянулся столбик других ночей, за всю зиму, за осень, и дальше.

И ещё одно я заметила, пока вела пальцем. Из всех значков против поставок один повторялся чаще прочих, через строку, жирный, похожий на перечёркнутую птицу. Кому-то в этой бухгалтерии доставалась львиная доля, и у этого кого-то не было имени даже здесь, в книге для своих.

Вот ты какой, честный год Эшфордов. Вот на что уходит железо без клейм, подвода за подводой, ночь за ночью, с четверга на пятницу.

Переписывала я один разворот, самый свежий. Цифры, значки, итог, число. Рука была твёрдая, буквы ложились мелко и тесно, свеча оплывала мне на пальцы, и я не чувствовала. Тео возился внутри, я шёпотом попросила его потерпеть.

Скрип половицы в коридоре раздался, когда я закрывала бюро.

Я задула свечу и встала за штору, вжавшись в холодное окно всем животом. Шаги прошли мимо, медленные, шаркающие. Сторож. Раньше времени, вне расписания, чтоб его. Я стояла

в темноте, дышала ртом и держала обеими руками лист за корсажем, будто он мог выпасть сквозь платье.

Шаги стихли в дальнем конце. Я выждала ещё сотню ударов сердца, вышла, заперла кабинет и пошла назад через тёмный дом, ступая с носка, как училась все эти месяцы.

По дороге я завернула в библиотеку, наощупь нашла третью полку снизу и заложила сложенный вчетверо лист в хозяйственную книгу сорокалетней давности, между страницей о ценах на овёс и страницей о починке крыш. Прятать бумагу в бумагах, лучшего места в этом доме не было. За корсажем лист доехал бы до спальни, но спальню обыскивать проще, чем четыре сотни томов.

Дэмиан спал в кресле там же, в том же положении, и огонь в камине догорел до углей. Я вложила кольцо с ключами обратно в жилетный карман, и уже выпрямлялась, когда он завозился.

— Ты где была?

Глава 10

Сердце у меня упало и разбилось где-то в ногах.

— Воды ходила выпить. — Между его вопросом и моим ответом уместилась одна маленькая смерть, моя собственная. — Спи.

— М-м. — Он повозился, устраивая голову удобнее, и не открыл глаз. — Хорошая... жена...

И засопел.

Я стояла над ним, пока не досчитала до пятидесяти. Потом укрыла пледом, поставила рядом воду, которой он так и не дождался, и ушла к себе. Ноги держали до самой кровати, а там подкосились. Я легла и долго лежала, слушая своё сердце и возню Тео, и не могла понять, чего в этом стуке больше, страха или торжества.

Лист лежал в библиотеке, ключи от кабинета в жилетном кармане. Все спали.

Получилось.

Утром мой муж вышел к завтраку серым и торжественно страдающим.

— Твоё вино, дорогая, это не вино, а оружие, — объявил он, принимая от лакея крепкий отвар. — Я спал в кресле. В кресле! Как гарнизонный поручик.

— Я не смогла тебя добудиться. Ты был такой уставший.

— Устал, да. — Он потёр переносицу и поморщился. — Дороги, дела... Больше одного бокала твоего зелья мне не наливать. Слышишь, жена? Одного.

— Слышу, — кратко сказала я.

Корнелия посмотрела на сына, на меня, на отвар и вынесла вердикт, что молодым супругам полезно проводить вечера вместе, а вино она пришлёт нам из своих запасов, приличное. На этом происшествие закрылось, подшитое к семейной жизни, как забавный случай.

Лист я перечитала через два дня, при свете, в библиотеке, развернув поверх него хозяйственную книгу.

Цифры были на месте, значки тоже, и перечёркнутая птица сидела в своих строках. Всё это стоило дорого, но на письмо пока не тянуло. Что у меня было? Ночи, подводы, чужая бухгалтерия, переписанная моей рукой. Спроси меня Надзор, откуда бумага, и вся моя война кончится, не начавшись, вместе со мной и с Тео.

К письму нужно было приложить то, что Надзор сможет увидеть своими глазами. Место, день, час. Поймать за руку, а не поверить на слово.

Дни у телег были, расписание я знала. Не хватало дороги. Куда это железо уходит из дальнего амбара, в какую сторону, чьими руками.

Ответ мне показали через две недели, в очередную ночь с четверга на пятницу.

Я ждала у окна, закутавшись в шаль, и сначала решила, что ошиблась днём. Подводы пришли пустые. По звуку было слышно, что лёгкие, без груза. Встали у амбара, и новый ворованный замок отперли. Началась погрузка.

В этот раз амбара выносили. Ящики, длинные и плоские, по двое на ящик. Мешки, от которых возчики приседали. Грузили молча, увязывали, крыли рогожей.

А у ворот амбара, в шубе, наброшенной поверх домашнего, стоял мой муж. Просто стоял со свечным фонарём и смотрел, и при нём работали быстрее. Один раз к нему подошёл старший возчик, Дэмиан выслушал, кивнул и указал фонарём на дальнюю подводу.

Вот, значит, как. Не приказчик, не управляющий без имени. Сам. Такое не поручают, когда могут поручить. К исходу второго часа подводы осели по ступицу, тронулись и пошли не назад, на тракт, а влево, мимо служб, на нижнюю дорогу.

Нижняя дорога в наших краях ведёт в одно место. К реке. На пристань, к складам, у которых прошлой осенью люди коменданта ходили и записывали, да так и уехали ни с чем.

Вот и вся дорога. Принимают с тракта, копят в амбаре, вывозят к воде. Весной река вскроется, и то, что уплывёт с нижней пристани, не догонит уже никакой Надзор.

Я вернулась в постель совсем озябшая. Тео недовольно возился, я согревала ладони под одеялом и расписывала в голове письмо.

Одна мысль не давала мне покоя, и я додумала её до конца, честно, прежде чем браться за перо.

Письмо ударит и по моему дому. По мужу беременной жены, по деду моего ребёнка с отцовской стороны, по имени, которое Тео будет носить. Свет не разбирает, кто в доме знал, а кто вышивал распашонки. Но Надзор бьёт не сразу, это я усвоила ещё из отцовских разговоров. Надзор сначала вьёт. Смотрит, пишет, считает, стягивает петлю месяцами, и чем крупнее зверь, тем дольше выют. Мне и нужны были эти месяцы. Пусть смотрят. Пусть считают. Пусть к тому дню, когда Люциан понесёт свои безупречные бумаги против моего отца, у Надзора уже лежит своя бухгалтерия на самого Люциана.

А Тео к тому дню будет носить другое имя. Об этом я позабочусь отдельно.

Писала я на завтра в библиотеке, печатными буквами, на листе из середины тетради.

Сухие строки, голые факты, почерк чертёжника. В имении Эшфордов, у дальнего амбара за службами, принимают железо без клейм, ночами, дважды в месяц, с четверга на пятницу. Ближайшего привоза ждать тогда-то. Вывозят к нижней пристани, к весенней воде. Торопитесь.

Последнюю строку я переписывала четыре раза. Хотелось добавить: спешите, до вскрытия реки, до родов, до того, как у меня кончится смелость.

Черновики я сожгла в камине по одному, растирая пепел кочергой. Письмо зашила в подгиб муфты. Оставалось самое простое и самое страшное. Отправить.

Гривс с его сургучом отпадал, о нём и речи не было. Оставалась управа. У её крыльца, сколько я себя помню, висел императорский ящик, кованный, с гербом и прорезью, для тайных сообщений Надзору. Отец при мне называл его кормушкой для кляузников и говорил, что раз в неделю столичный курьер снимает с него печать. Кляузников я всю жизнь презирала. Что ж. Теперь я знала о жизни больше.

В город я запросилась под конец недели, к лавкам. Приданое младенцу, ленты, фланель, самый невинный список на свете. Корнелия отпустила меня с горничной и наказала не мёрзнуть.

Город стоял в снегу, укатанном до блеска. Мы прошли по лавкам, я шупала фланель, выбирала долго и капризно, и корзина у горничной тяжелела. Управа стояла через площадь от суконной лавки, и ящик висел на месте, у крыльца, присыпанный снегом.

У суконщика я замешкалась над отрезами и спохватилась, что забыла в соседней лавке перчатки. Горничная кинулась за ними. Я вышла на воздух, постоять, подышать, беременным нельзя в духоте.

У дверей управы стоял часовой, молоденький, замёрзший, и приплясывал в своих сапогах. На меня он посмотрел один раз, увидел живот и муфту и уставился обратно на площадь. Беременная дама у присутственного места невидима, как тумба.

Через площадь я шла обычным шагом, наверное, самым обычным шагом в моей жизни. У крыльца управы задержалась поправить муфту. Подгиб был надорван заранее, письмо выскользнуло в ладонь само.

Прорезь оказалась обмерзшая и сделалась узкой. Конверт вошёл только наполовину и встал, как вкопанный.

Секунду я стояла у всех на виду, с доносом, торчащим из императорского ящика, потом толкнула его костяшками, конверт ушёл вниз, и внутри мягко стукнуло.

Всё.

Я поправила муфту и пошла назад, весело похрустывая снегом под башмачками.

Горничная нашла меня у суконщика над теми же отрезами. Перчатки нашлись, и фланель мы взяли голубую, и даже домой вернулись засветло, хотя я не спешила. Вечером я показывала покупки Корнелии, и мы обсуждали, что из фланели шить сначала. Свекровь была со мной почти нежна.

Она перебирала ткани, прикладывала к щеке, проверяя мягкость, и вдруг сказала, не поднимая головы:

— В этом доме так давно не кричал младенец. Дэмиан был последним. — Она разгладила отрез на колене. — Я уже забыла, как это. Говорят, к этому крику невозможно привыкнуть, а я, представьте, скупала.

Я смотрела на её руки и молчала. Бывали такие минуты, когда я почти забывала, кто передо мной. Она умела создавать такие моменты. Может быть, даже не нарочно, но от этого было не легче.

— Скоро привыкнете заново, миледи.

— Скоро, — согласилась она и улыбнулась.

А потом потянулись дни.

Я ждала, сама не зная чего. Грома, стука копыт, серых мундиров у ворот. Ничего не происходило. Дом жил своим заведённым порядком, метели сменились оттепелью, с крыш потекло, у Тео появилась привычка икать по вечерам, и я чувствовала эту икоту изнутри, как тихие пузырьки. Подводы пришли и ушли ещё раз, по расписанию, в свою ночь.

Может, ящик не вскрывали. Может, курьер утопил почту в снегах. Может, в столице таких писем жгут по сотне в день, и моё сгорело в общей печке, вместе с кляузами на соседей.

В эти же дни пришло письмо от отца, обычное, уютное, про оттепель и подагру полковника. И в самом конце, между поклонами, стояла строчка, от которой я перечитала лист трижды.

«Вину твоему южному внял, поставил в дальний угол, не трогаю. Отстаивается. Умнеешь, Ами».

Понял. Через триста вёрст, через чужой сургуч, из одной строчки про погреб. Я сложила письмо, прижала его к губам и посидела так. Умнею, папа. Ты даже не знаешь, как быстро мне приходится уметь.

Я запретила себе считать дни и считала их всё равно.

Дэмиан в эти недели был безмятежен, как никогда за весь наш брак.

Вывоз прошёл, амбар, надо думать, стоял пустой и будто невинный, весна шла к реке. За ужинами муж строил планы, в которых было всё, что положено человеку с будущим. Летом на воды, к осени перестроить конюшни, к зиме, даст небо, обряд для младенца в храме Великого.

Он смотрел на мой живот с хозяйской гордостью, как смотрел на новую кобылу, и однажды, в приливе чувств, поцеловал мне руку и сказал, что я лучшее его приобретение за эти годы.

Приобретение. Я улыбнулась и поблагодарила. В его языке это, кажется, и вправду была вершина нежности, честное слово купца, сказанное от сердца.

Спи спокойно, милый. Смотри свои сны про воды и конюшни. Письмо уже лежит в кованом ящике, или едет в столицу, или разворачивается на чьём-то столе, и в каждом из этих случаев твои конюшни уже не твои.

Один раз мне приснился фонарь. Он плыл через белое поле, прямо к дому, не сворачивая, и за ним шли двое, и я знала, что двери запирают бесполезно. Я проснулась со сжатым горлом, села и до рассвета просидела, держа ладони на животе, пока Тео не завозился и не вернул меня в реальность. Всё хорошо, всё идёт как задумано.

На восемнадцатый день за обедом Гривс подал Дэмиану записку на подносе. Мой муж развернул её, пробежал глазами, и я увидела, как у него побелели костяшки на сгибе бумаги.

— Что там? — спросила Корнелия.

Дэмиан поднял глаза. Меня за столом для него больше не было, он смотрел только на мать.

— Комендант возвращается в провинцию, — сказал он. — Со всей своей канцелярией. Пишут, ему отдали три соседних округа. С полными полномочиями.

Глава 11

О записке в доме больше не заговаривали.

Блюда подали вовремя, Корнелия улыбалась за столом, Дэмиан шутил. Но после ужина мать с сыном заперлись в кабинете, и когда я за полночь спустилась в буфетную за водой, под дверью кабинета лежала полоса света, а из-за светлого дуба глухо ходили два голоса, её и его. Слов было не разобрать. По голосам выходило, что говорит она, а он больше слушает.

Наутро Дэмиан уехал к Арджентам, до завтрака, не простившись. Вернулся к ночи, молчаливый, и от него не пахло духами. Не до мельниковой дочки стало, милый?

А я лежала без сна и додумывала своё.

Письмо сработало. Комендант ехал сюда, с канцелярией и полномочиями, и рано или поздно его люди сядут на нижней дороге в нужную ночь. Склад, железо, возчики, может, и мой муж со своим фонарём. Этого хватит, чтобы утопить Эшфордов.

И этого не хватит, чтобы спасти отца.

Потому что Люциан в моём листе стоял перечёркнутой птицей, без имени. Потому что бумаги против наместника будут готовиться отдельно, тихо, в другом месте, и когда они лягут на стол, никто не свяжет их с железом. Прошлый раз никто не связал. Надзору нужно было сказать словами, где искать вторую нитку и куда она тянется. Такое не пишут печатными буквами на листе из тетради.

Такое говорят в лицо. И я знала, кому.

Собиралась я четыре дня, и все четыре дня уговаривала себя, что это не безумие.

Но это было безумие.

Жена Эшфорда, на седьмом месяце, идёт через город к дому Надзора доносить на собственную семью. Попадись я на любом шаге, и никакой лекарь с лентами меня не оправдает. Но письмо своё дело сделало, а дальше бумага не умела. Дальше надо было ногами.

Плащ я добыла честной покупкой. В лавке готового платья, выбирая шали, взяла заодно тёмную суконную накидку с капюшоном, простую, добротную. Для горничной, пояснила я, к празднику, она у меня мёрзнет. Лавочник умилился доброй госпоже. Платок у меня был свой, серый, из тех, что я держала для храма.

Лист из библиотеки переключал в потайной кармашек муфты ещё с вечера.

Случай я назначила на базарный день, когда город толчётся и никому ни до кого. Корнелии я сказала, что Брандт велел показаться ему до распутицы, и что заодно заберу у модистки заказ. Свекровь отпустила меня легко: за эти месяцы мои выезды за фланелью стали такой же обыденностью, как и мои ночные хождения.

В городе я отпустила горничную у модистки.

— Заказ будет готов через час, — сказала я. — Посиди в тепле, а я дойду до Брандта, тут две улицы, тебе там делать нечего.

Горничная, вышколенная, с глазами Корнелии на затылке, поколебалась и осталась: против слова беременной не устоял ещё ни один соглядатай.

В проулке за рыбным рядом я сняла свой плащ, свернула его в муфту, накинула суконный, повязала платок низко, по-бабы. Спину ссутулила, голову опустила. Служанка на сносках, каких в базарный день дюжина на каждой улице.

До ратуши я дошла за десять минут и ни разу не поскользнулась, что само по себе было чудом.

Дом коменданта я узнала по часовым. Двое у дверей, в тёмном, при оружии, и улица перед домом сама собой держалась пустой. Прохожие держались дальней стороны, не глядя, будто перед домом лежала прорубь.

Я подошла прямо, потому что мяться времени не было.

— Куда, — не спросил, а перегородил старший часовой.

— У меня сведения для господина коменданта.

— Все сведения в управу. Ящик у крыльца.

— Мои сведения не для ящика.

— Ступай, женщина, — уже скучая, сказал он. — Не велено.

Я стояла. Уходить было некуда, за спиной у меня не было ничего, кроме обратной дороги в дом Эшфордов, и я собиралась стоять тут до темноты, до стражи, до чего угодно.

Дверь открылась изнутри, и на крыльцо вышел человек с бумагами. Неприметное лицо, тёмная форма. Он скользнул по мне взглядом, шагнул мимо, и вдруг остановился.

Обернулся. Посмотрел ещё раз, с крыльца, сверху, внимательно. Я подняла голову и дала ему увидеть лицо под платком.

Холт смотрел на меня, наверное, секунды три. Галерея дома Эшфордов, рассвет, халат и босые ноги, я видела, как это поднимается в нём и встаёт на место.

— Передайте господину коменданту, — сказала я тихо, только для него, — что у меня важные сведения. Он меня знает.

Холт не переспросил. Не оглянулся на часовых. Он коротко наклонил голову, в точности как тогда в галерее, и открыл передо мной дверь.

— За мной.

Внутри пахло чернилами, воском и мокрым сукном. Мы прошли коридор, где за столами писали трое, и никто не поднял головы. У высоких дверей Холт оставил меня, вошёл один, и через полминуты дверь открылась снова.

— Проходите.

Кабинет был казённый и очевидно нежилой. Стол, заваленный бумагами в порядке, понятном одному хозяину. Карта провинции на стене, утыканная булавками. За столом, не поднимаясь, сидел комендант де Варг и смотрел на меня.

— Леди Эшфорд, — сказал он.

Сказал он это так, будто я пришла по вызову, в назначенный час. Капюшон ещё был на мне, платок тоже, а он уже назвал меня по имени и вернулся взглядом к бумаге, которую дочитывал. Дочитал. Отложил. Посмотрел снова, теперь долго, спокойно, глаза в глаза.

Я помнила этот взгляд с десяти шагов, из другой комнаты. Что он взвешивал сейчас, я прочесть не сумела, и от этого стало страшнее, чем от часовых.

— Ваша светлость.

Я откинула капюшон и стянула платок. Живот под накидкой прятать было уже бессмысленно, и его взгляд прошёл по мне сверху вниз, задержался на середине и вернулся к лицу. Я досчитала до трёх, чтобы голос не подвёл.

— Садитесь, — сказал он. — В вашем положении стоять не желательно.

Я села на жёсткий стул напротив. Между нами лежал стол, бумаги и почти два года, о которых знала одна я.

Он ждал. Он умел ждать так, что тишина давила на горло, и я поняла, что первого слова он мне не подарит. Ни одного слова он мне не подарит, всё сама.

— В ночь с четверга на пятницу в нашем доме к дальнему амбару за службами придут подводы, — сказала я. — Как приходят дважды в месяц с самой осени. Что возят, вы знаете лучше меня. Перед вскрытием реки всё уйдёт с нижней пристани, и концов не будет.

— Это я слышал. — Он открыл ящик стола, достал лист и положил передо мной. Печатные буквы, тетрадный обрез. — От вас.

Не вопрос. Я посмотрела на своё письмо, потом на него.

— От меня.

— Дальше.

Я достала из муфты сложенный вчетверо лист и положила рядом с письмом. Он развернул, пробежал глазами раз, потом второй, уже медленно. Пальцы его легли на край листа и прижали его к столу, будто лист мог уползти.

— Откуда.

— Из бюро в кабинете моего мужа. Там две книги. Верхняя для гостей, нижняя для своих. Это разворот из нижней, последний. Даты слева я проверяла сама, из окна. Значки справа не знаю. Кроме одного.

— Какого.

— Перечёркнутая птица. Не знаю, кто это. Знаю, что ему уходит больше всех и что имени ему не пишут даже в книге для своих. — Я набрала воздуха. — И ещё я знаю, зачем пришла. Письмо вы уже получили. Я пришла сказать то, что к письму не приложить.

Он поднял глаза и молча ждал продолжения.

— Мой муж и те, кто стоит за этой птицей, готовят подлог против моего отца. Против наместника Вейла. Бумаги, подписи, измена короне, всё будет безупречно, и всё будет ложью. Когда это ляжет на чей-то стол, никто не свяжет это с железом. А связь есть. Должность наместника перейдёт к зятю. К моему мужу.

В кабинете стало тихо. За стеной скрипели перья, с улицы глухо шумел базар.

— Доказательства, — сказал комендант.

— Ни одного. — Я держала его взгляд. — Разговоры, обрывки, вопросы, которые мой муж задавал мне про отцовскую канцелярию весь первый месяц брака. Я жена в этом доме. Я слышу то, что не для моих ушей, и складываю то, что не положено складывать. Проверить меня вы можете одним способом. Смотрите за железом и смотрите, куда тянется птица. Дойдёте до неё, увидите и бумаги.

— Зачем вам топить собственный дом?

Вот он, вопрос. Он задал его без нажима, скучным голосом дознавателя, и смотрел при этом так, что я почувствовала стену за своей спиной.

— У меня будет сын, ваша светлость. — Я положила руку на живот, и Тео, будто дождавшись, толкнулся в ладонь. — Я не хочу, чтобы он рос в доме, где под полом лежит контрабандное железо, а в бумагах чужая кровь. И у меня есть отец. Он мне дороже мужа. Считайте это всей моей правдой.

Но это и была правда. Не вся, но лжи в ней не было ни слова, и он это услышал. В лице его ничего не изменилось, просто следующий вопрос он задал не сразу.

Комендант откинулся на стуле. Ворот его мундира был расстёгнут на верхний крючок, единственная небрежность в одежде, и под кромкой воротника, у ключицы, кожа была новая, розовая, натянутая, как плёнка на ожоге.

Полгруды, — сказала баронесса.

Я отвела глаза раньше, чем он поймал меня, и всё-таки он успел заметить, что куда я смотрела.

— Кто ещё знает, что вы здесь?

— Никто.

— Кто знает про лист?

— Никто.

— Возвращайтесь тем же путём. — Он сложил мой лист и письмо вместе и убрал в ящик, на ключ. — С этого дня вы ничего не ищете, ничего не переписываете и не подходите к кабинету мужа. Вы носите ребёнка и выбираете фланель. Всё.

— Но...

— Всё, — отрезал он.

Я поднялась. Наматывала платок, завязывала, пальцы слушались через раз. Он смотрел, не вставая, и молчал, а у самых дверей, когда я уже взялась за ручку, сказал мне в спину

несколько слов. Я унесла их с собой через весь город, и они грели меня всю дорогу, хотя ничего теплого в них не было.

Обратно меня вёл Холт.

Не через парадный коридор с перьями, а другим ходом, через двор, к калитке в глухой стене. Шёл он на полшага впереди, бумаги нёс под мышкой, и за всю дорогу сказал два слова, у самой калитки, придерживав её передо мной.

— Осторожно, порог.

Я обернулась на него уже с улицы. Неприметное лицо было таким же, как всегда, и всё-таки я сказала:

— Благодарю вас.

Он моргнул, наклонил голову и калитка закрылась.

В проулке за рыбным рядом я поменяла плащи, размотала платок и вышла к модистке леди Эшфорд, разруганной с мороза. Горничная дремала в тепле над заказом. У Брандта всё хорошо, сказала я, велел гулять. Мы забрали свёртки и поехали домой.

Руки у меня начали трястись на полдороге, когда стало можно. Я спрятала их в муфту, к пустому кармашку, и смотрела в окно на мокрые поля, пока не отпустило.

Дома пахло обедом. Корнелия спросила, что сказал лекарь. Дэммиан за ужином рассказывал про весенние торги. Я отвечала, кивала, ела суп и слушала себя изнутри, и внутри было спокойно. Впервые за долгое время я чувствовала, что обо мне позаботятся.

Ночью сон не шёл. Тео утомился, дом затих, а я лежала и смотрела в темноту. Но вместо сна меня накрыло воспоминание. А точнее, сказанная мне в спину фраза у дверей:

— *Леди Эшфорд. Большие сюда не приходят. Если вы мне понадобится, я вас найду.*

Глава 12

Я держала слово, данное коменданту. Ничего не искала, ничего не переписывала, к светлому дубу не подходила ближе, чем требовал путь в библиотеку.

Я носила ребёнка и перебирала пеленки.

Занятие оказалось не худшим. Живот к весне вырос такой, что я перестала видеть собственные ноги, Тео толкался уже не украдкой, а по-хозяйски, с размахом, и Брандт, приезжавший теперь каждую неделю, щупал, слушал и оставался доволен.

Корнелия достроила приданое до размеров, которых хватило бы тройне. Отец писал через день и в последнем письме объявил, что заканчивает дела и к родам выедет загодя, и пусть только попробуют его не пустить.

Пусть только попробуют, папа. В этом доме тебе пока рады. Я задумчиво повторила это «пока» в мыслях и запретила его повторять в отношении отца.

Брандт на последнем осмотре задержался до неприличия.

Он слушал моё сердце, потом сердце Тео, через рожок, хмурился и слушал снова, и я успела похолодеть, пока он не выпрямился.

— Сильное сердце, — сказал он. — Редкой силы, я бы сказал. В отца, надо полагать.

— В деда, — сказала я. — У нас в роду все голосистые и живучие.

— Ну, пусть в деда. — Брандт убирал рожок в футляр и на меня не смотрел. — Готовьтесь со дня на день, леди Эшфорд. Такие не засиживаются.

Он откланялся, а я осталась сидеть с ладонью на животе. В отца, надо полагать. Полагайте в деда, лекарь. Всем будет спокойнее, и вам первому.

Снег сошёл, дороги развезло и подсушило, река вздулась и тронулась. По ночам было слышно, как далеко на нижней дороге трещат льдины.

А в свою ночь, с четверга на пятницу, со двора, как заведено, ушли подводы. Я не караулила у окна, слово есть слово, но колёса слышала сквозь дрему. Грузёные, тяжёлые, к пристани, к весенней воде.

Обратно они не вернулись.

Утром я поняла это по конюшне: двор стоял пустой наполовину, конюхи собирались кучками и расходились, завидев экономку. К полудню в доме уже никто не работал, все шептались. А после полудня, впереди всех вестей, к нам ворвалась баронесса Клов.

Её не звали, и принимать гостей мне в моём положении не полагалось, но баронессу это не остановило ни на крыльце, ни в дверях.

— Деточка! — Она упала в кресло, не сняв накидки. — Вы слышали? Нет, вы слышали?! Пристань! Всю пристань оцепили ночью, никого не впускают, не выпускают! Баржи вскрыли, а там... — она понизила голос до сдобного ужаса, — железо! Горы железа, всё без клейм! Весовщиков взяли прямо из постелей, приказчиков взяли, обе конторы опечатали! Мой Готфрид сам видел, как молодого Сольца вели в цепях, среднего, который заикается!

Я сидела, сложив руки на животе, и слушала, и лицо у меня было испуганное и глупое, самое подходящее к таким новостям лицо. Испуг мне почти не приходилось играть. Одно дело писать письмо и опускать его в кованный ящик. Другое дело слушать, как оно сказывается на живых людях, пусть трижды виноватых.

— А чьё железо, говорят? — спросила я.

— В том и дело, что молчат! — Баронесса всплеснула руками. — Всё Надзор, всё тихо, все бумаги увезли к коменданту. Готфрид говорит, теперь пойдут по цепочке, как по нитке, и одному небу известно, у чьих ворот эта нитка кончится.

Она посидела ещё, выпила две чашки, пересказала всё по второму кругу и умчалась сеять дальше.

Я осталась сидеть. Нитка, баронесса, кончится у наших ворот, у дальнего амбара с воронёным замком. Вопрос был только в том, как быстро Надзор пожелает её смотать. И что успеет сделать мой муж за это время.

Мой муж успел исчезнуть.

Он уехал верхом ещё до баронессы, до полудня, и вернулся только к следующему вечеру, серый, постаревший на десять лет, в заляпанных грязью сапогах. За ужином он не ел, пил воду, как больной, и один раз, потянувшись за хлебом, промахнулся мимо корзинки.

— Дороги совсем дурные, — сказал он в пространство. — Съездил впустую.

Куда он ездил, он не сказал, а мы с Корнелией не спросили, каждая по своим причинам.

Ночью из трубы кабинета шёл дым. Я видела его из своего окна против луны. Утром горничная, чистившая камин, жаловалась экономке, что в кабинетном дымоходе гарь и хлопья, будто жгли целую канцелярию.

Жгите, милые. Жгите. Одна книга у вас тонкая, унести и спрятать её недолго, но страницу из неё я отдала в надёжные руки ещё зимой.

Через два дня Дэмиан ездил к Арджентам. Вернулся засветло, и я встретила его в холле случайно, спускаясь к чаю. Лицо у моего мужа было такое, какого я не видела за два брака. Растерянное, будто мальчишку не пустили в дом, где он вырос.

— Ты к Арджентам ездил? — спросила я невинно. — Как там Селестина, я соскучилась.

— Они никого не принимают. — Он стянул перчатки и бросил их на столик мимо подноса. — Бинейла нездорова. Весной все нездоровы.

Он ушёл вверх через две ступени, а я стояла и смотрела на упавшие перчатки.

Не принимают. Люциан, старый паук, отползал от горящей паутины и рубил нити. И первой нитью, которую он перерубил, оказался дом Эшфордов, верный, удобный, столько лет кормивший его железом. Мне бы радоваться, а мне стало холодно. Потому что человек, который рубит нити так быстро, дела против моего отца может и ускорить. Или переписать под новую расстановку.

А от отца, как назло, третий день не было писем. Дороги, говорила я себе. Распутица, почта стоит, мосты поднялись вместе с рекой. Я повторяла это на ночь, как молитву, и молитва помогала до первого тёмного часа, а дальше начиналось у меня в голове такое, что лучше бы уж схватки.

Об этом я думала вечером, лёжа без сна, и додумать не успела.

Первая волна пришла незаметно, я приняла её за обычное нытьё поясницы. Вторая согнула меня на кровати. Третью я встретила уже стоя, держась за столбик, и между ними прошло меньше, чем положено, это я помнила телом с прошлого раза.

Я дёрнула шнур звонка и сказала прибежавшей горничной три слова, которых ждал весь дом.

— Началось. Будите всех.

Дальше время сломалось и пошло кусками.

Кусок первый. Корнелия в дверях, в шали поверх ночного, отдаёт распоряжения голосом полкового командира, и весь дом бежит выполнять. Кусок второй. Брандт, приехавший будто бы через минуту, с закатанными рукавами, руки у него холодные и уверенные. Ещё кусок. Горячая вода, чистое полотно, закрытые ставни, свечи, и мне велят дышать, будто я делаю что-то другое.

Боль накатывала и отпускала, накатывала и не отпускала. Я держалась за скрученное полотенце и в какой-то из накатов, между потолком и подушкой, поймала себя на том, что не боюсь. В прошлый раз я умирала от страха. В этот раз бояться было некогда. Я работала. Мы работали вдвоём, он и я, как работали весь этот год, молча и заодно.

— Головка, — сказал Брандт. — Ну, милая. Ещё раз.

Я собрала всё, что во мне оставалось, и мир порвался пополам.

И затем раздался крик.

Он был возмущённый, голосистый, на весь дом, и от первого же его звука у меня побежали мурашки. Я так давно не слышала этого крика. Я умерла, не дослушав его, и вот он вернулся и орал, орал, орал.

— Мальчик, — сказал Брандт. — Воин. Поздравляю, леди Эшфорд.

Мне положили его на грудь, тёплого, мокрого, тяжёлого. Тёмный слипшийся пух на макушке. Сморщенное красное личико, распахнутый в крике рот, а потом крик стих, и он открыл глаза, мутные, тёмные, ничего ещё не видящие.

— Ну здравствуй, — сказала я.

Голос у меня не сорвался. Слёзы текли сами, я им не мешала, они никому не мешали тоже, на родильной постели плачут все, и никто не спрашивает, от чего именно.

Здравствуй, Тео. Это я. Вот мы и снова вместе мой солнечный мальчик.

Он завозился, поворачивал головой, и крохотная рука выпросталась из пелёнки. Я тронула пальцем тёплую ладошку, и пальчики сомкнулись вокруг сами.

Телу этому не было и часа. Оно ничего ещё не умело и хватало всё, что касалось ладони, любой палец, хоть мой, хоть Брандта. Я знала это. Я всё это знала и всё равно сидела не дыша, потому что помнила, что будет дальше. Через полгода эта рука начнёт ловить меня уже нарочно. За палец, за подбородок, за дедову руку, за всё, до чего дотянется.

Я закрыла глаза. Вот теперь всё, как надо. Дальше можно было воевать.

В город, к почтовой станции, в ту же ночь усакал верховой с письмом для наместника. Я потребовала этого, не вставая с подушек, и Корнелия, сама уже писавшая кому-то поздравительное, распорядилась немедленно. Дед должен знать первым, тут мы с ней сошлись, каждая по своим соображениям.

Меня обмыли, перестелили, укутали. Тео, вымытого и спелёнатого, унесли показывать, и из-за дверей доносилось воркование прислуги и голос Дэмиана, непривычно тихий. Первым ко мне зашёл он.

Остановился в шаге от кровати, посмотрел на свёрток у меня на руках, и лицо у него сделалось непривычное, гладкое. Он протянул руку и тронул пальцем крохотный кулак. Кулак разжался во сне.

Он просидел на краю кровати четверть часа и всё смотрел. О пристани, о коменданте, о молчащих Арджентах в эти четверть часа в комнате он и не помнил, я видела. Потом Тео завозился, Дэмиан осторожно встал и у двери обернулся.

— Спасибо, Амалия. Я твой должник.

Запомню, милый. Ты даже не представляешь, какой длинный у меня к тебе счёт и как мало его покрывает твоё спасибо.

Потом дверь открылась, и вошла Корнелия. Дошла до моей кровати, села рядом, посмотрела на спящее личико долгим взглядом.

— Наконец-то, — прошептала она. — В этом доме снова будет детский смех.

Она поправила уголок пелёнки, наклонилась к внуку и сказала ему тихо и нежно, в самое ушко:

— Добро пожаловать домой, Теодор Эшфорд.

Глава 13

Отец приехал на девятый день.

Я слышала его ещё с лестницы. Он гудел в холле, распекал кучера, здоровался с Корнелией, и голос у него был такой, что в детской звякнули подвески на лампе. Потом он поднялся к нам, увидел свёрток у меня на руках и остановился в дверях, будто налетел на невидимую стену.

— Ну, — выдохнул он. — Ну.

С этим словарным запасом он подошёл, сел рядом и долго смотрел. Тео спал, причмокивая. Отец наклонился, понюхал его макушку, что-то у него в лице неуловимо изменилось. Разгладилось.

— Вейловская порода, — постановил он. — Лоб наш. Горласт?

— На весь дом, отец.

— Наш.

Он осторожно, с обеих сторон, будто поднимал полный до краёв котелок, взял внука на руки. Тео завозился, не просыпаясь, выпростал кулачок, и отец подставил ему палец, по-стариковски уверенно, будто делал это всю жизнь. Кулачок сомкнулся.

— Всё, — шёпотом сказал отец. — Попался дед.

Он просидел так до самого обеда. У него затекла спина, я видела, как он украдкой поводит плечами, но пальца не отнимал. На зов Корнелии к столу он ответил, что обедать будет здесь, если хозяйка не прогонит. И хозяйка не прогнала, и обед несли в детскую на подносах.

С отцом приехала Фелма.

Она влетела следом за подносами, зарёванная ещё с порога, всплеснула руками и запричитала над Тео так, что он проснулся и заорал, а Фелма заревела в голос уже от счастья. Они орали дуэтом, пока я не отобрала у неё платок и не сунула ей ребёнка. Тео немедленно замолчал и уставился на неё.

— Хозяин ты мой маленький, — прошептала Фелма. — Красавец ты мой.

Она пробыла у нас три дня, и три дня в детской пахло домом. Настоящим, отцовским, тем, где меня любили просто так. Фелма перестирала всё, что было перестирано до неё, перегладила, перепеленала по-своему и вполголоса переругалась со здешней нянькой о способах свивания. Няньку было жаль. Фелму было не остановить.

А на третий вечер отец позвал меня пройтись по саду.

Весна стояла тёплая, сырая. Мы шли по дорожке, гравий хлюпал, и отец молчал половину круга, а на второй половине заговорил, глядя перед собой.

— Про пристань слышала?

— Слышала, отец. У нас только об этом и шепчутся.

— Шепчутся. — Он хмыкнул. — Дело серьёзное, Ами. Я таких дел не видел лет двадцать. Комендант землю носом роет, запросы шлёт пачками. У меня из канцелярии затребовали таможенные реестры за пять лет. За пять! Понимаешь, что это значит?

— Что ищут давно и глубоко.

— Что ищут цепь. — Отец остановился. — Железо кто-то возил годами, через весовщиков. Такое не возят без крыши. Найдут крышу, полетят головы, и хорошо, если только те, что виноваты. В такие дела ветром затягивает и невиновных.

Он повернулся ко мне, и лицо у него было суровое.

— Мужу своему скажи. Пусть дела ведёт чисто, пусть каждую сделку по три раза проверяет, с кем торгует, у кого покупает. Время такое, что за чужой грех спросят с того, кто ближе стоял. Эшфорды дом заметный. По заметным бьют первыми.

Я смотрела на отца и молчала.

Вот оно, окно. Сказать сейчас. Отец, крыша этой цепи ужинает у нас по праздникам. Отец, железо лежало в нашем амбаре, я видела его из окна. Отец, заведи меня с Тео, и пусть горит все праведным пламенем.

И что дальше? Дальше он, наместник, человек долга, идёт с этим к коменданту, потому что иначе не умеет. И становится свидетелем. Человеком, который знал. А бумаги против него уже пишутся, я чувала это нутром. И любое его движение сейчас Люциан вплетёт в свою паутину. Нет уж. Пусть наместник Вейл останется тем, кто ничего не знал, ни сном ни духом, чистым, как его реестры. Его голова должна остаться на плечах.

— Я скажу ему, отец. Спасибо.

— Вот и скажи. — Он ещё постоял, глядя на тёмный дом, на освещённые окна. — Не нравится мне тут у вас. Тихо очень. Прислуга по углам, хозяин смурной. Дом как перед грозой.

— Все устали, отец. Роды, хлопоты.

— Угу, — буркнул он. — Хлопоты.

Уезжали они с Фелмой на рассвете. Отец долго стоял над колыбелью, потом взял мою голову обеими руками, поцеловал в лоб и сказал, что летом ждёт нас всех к себе, кресло у камина готово, и пусть только попробуют не приехать. Фелма ревела и чертила охранными знаками всё подряд: меня, Тео, няньку, карету на которой уезжала.

Я стояла на крыльце, пока карета не скрылась за поворотом. Тепло уехало с ними, я почувствовала это кожей, будто захлопнулась тяжёлая дверь за спиной.

А через два дня тишина закончилась.

Они пришли утром, к девяти, четверо верхом и двое в казённой коляске. Серые мундиры, кожаные папки, лица людей, приехавших работать. Старший предъявил Корнелии предписание с печатью, от которой у неё побелели ноздри, и вежливо, слово в слово по бумаге, объявил, что Надзор произведёт осмотр хозяйственных построек имения.

Осматривали они дальний амбар.

Шли напрямиком, не глядя на прочие службы, через двор, к воронённому замку. Ключи от амбаров всегда держала Корнелия, но сейчас связку нёс сам Дэмиан. И я смотрела из окна детской, как мой муж идёт через собственный двор со связкой в руке, а за ним идут двое серых.

Амбар стоял пустой. Это я знала и без осмотра, вывезли ещё по зимнику. Серые пробыли внутри час, вышли, что-то мерили у ворот, что-то соскребали с полов в бумажные пакеты, потом наложили на двери печати и уехали, увозя с собой Дэмиана.

Не под стражей. Упаси небо, какая стража. Лорда Эшфорда просто попросили проехать в управу, дать пояснения по хозяйственным вопросам, обычное дело, к вечеру всенепременно вернём.

Вернули к полуночи.

Я не спала, слышала копыта, потом его шаги по лестнице, мимо моей двери, мимо детской, к себе.

Утром за завтраком он был выбрит, одет и любезен, и рука с чашкой у него не дрожала. Только смотрел он теперь мимо всего.

— Пустяки, — бросил он поверх чашки. — Формальности. Спрашивали про аренду амбара. Я сказал, что сдавал его прошлым годом подрядчикам, бумаги велись у управляющего, управляющий рассчитан ещё осенью. Пусть ищут управляющего.

— Разумеется, — уронила Корнелия.

— Это пройдёт, — отрезал Дэмиан. — Пошумят и займутся кем-то ещё. Всегда занимаются кем-то ещё.

Он говорил это в тарелку, ни к кому, и сам себе кивал. Корнелия смотрела на сына через стол, и вот у неё руки не дрожали, и жемчуг не трогали. И это было странно, но я поняла, что она уже все просчитала и приняла какое-то решение.

Ночью я узнала, какое.

Тео раскапризничался к полуночи, я отпустила няньку и укачивала его сама, а когда он уснул, пошла вниз за водой, привычной своей дорогой, которую в этом доме давно никто не замечал.

В холле горела одна свеча.

Корнелия стояла у зеркала. Тёмное дорожное платье, накидка переброшена через руку. У ног её стоял малый саквояж. Она натягивала перчатки, палец за пальцем, и в зеркале увидела меня раньше, чем я ступила с последней ступени.

— Не спится, дитя моё? — Она натянула вторую перчатку и взяла со столика шкатулку тёмного дерева, небольшую, окованную по углам. — Ложитесь. Утром меня не ищите и вопросов не задавайте. Я еду спасти этот дом.

Глава 14 (Дориан)

Ожог от артефакта зарастал уже довольно долго.

По утрам под ключицей тянуло и чесалось изнутри, там, где новая ткань доедала пораженную магией. Лекари называют это регенерацией и пишут о ней с восторгом. Лекарям не приходится с ней жить. К полудню я переставал замечать зуд, как в первый год службы перестал замечать чужой храп в казарме, и работал.

Работы было много.

Пристань дала пять тонн железа без клейм, девять арестованных и четыре конторские книги, из которых две оказались честными, а честные книги в таком деле полезнее ворованных.

Цепь собиралась медленно, звено к звену. Весовщики сдали приказчиков. Приказчики сдали перевозчиков. Перевозчики молчали дольше всех, но и они заговорили, когда им растолковали, что полагается соучастникам за заговор против короны.

Никто из них, сверху донизу, не знал, кому шло железо и кто платил. Деньги приходили через третьи руки, распоряжения через записки без подписей. Девять человек годами работали на хозяина, которого не видели. Умно. В списке из чужого бюро, переписанном мелким тесным почерком, хозяин значился одним символом. Птица.

Лист лежал у меня в ящике, под ключом. Рядом с письмом.

Я доставал их чаще, чем требовало дело. Это я себе тоже фиксировал, как фиксировал всё, потому что привычка замечать за собой спасала меня лучше родной чешуи. Лист был уликой. Письмо было уликой. Женщина, которая их написала, уликой не была, и думать о ней у меня оснований не имелось.

Но я думал. Потом убирал оба листа под ключ, возвращался к спискам перевозчиков и работал, пока мысли не вставали обратно в строй. Это помогало. На службе помогает всё, что можно делать руками.

Было у меня и второе дело. К пристани оно отношения не имело, к спискам тоже, и я держал его отдельно ото всех бумаг и ото всех мыслей.

Браслет лежал в другом ящике, глубже.

Родовая вещь. Тёмные бусины, слёзы хрустального дракона, у которых нет цены, потому что их не продают. Легенда рода говорит просто: браслет возвращает. Одного человека, из одной смерти, ценой одной бусины. Почти половина бусин занята предками, у каждой метки свой рисунок, двух одинаковых в хрониках не описано. Метка проступает в час возвращения, когда долг артефакта исполнен.

Браслет не покидал рода при моей жизни. Я не дарил его. Не обещал. Не выносил из дома дольше, чем на время службы.

Новая метка проступила осенью, на свободной бусине, в ночь, число которой я помнил.

Я смотрел на неё в тысячный раз. Мелкий знак, тёмный, будто тушь под стеклом. Вещью, которой никто не пользовался, воспользовались. Где-то ходил человек, вернувшийся из смерти по праву моего рода, и я не знал, кто он, и не знал ничего похожего на путь к ответу.

Рабочая версия у меня была одна. Чужая рука дотянулась до родовой реликвии, и я искал вторжение в род среди врагов, как искал бы любую кражу. Поиск упирался в стену. Для человека моей службы это состояние имеет название. Нераскрытое дело.

Я закрыл ящик.

Ночь я помнил и без записей. Дурацкий провинциальный бал, на котором мне предложили невесту, будто тёплую воду с дороги.

Мне тридцать девять лет, из них двадцать я в гоне раз в два года, и я знаю про это всё, что можно знать.

Буря не выбирает. Ей нужно тело, но почти любое для неё как мелкая вода. Не принимает, не гасит, и худо обоим. Обычно снятие тянется неделю. Женщина потом месяц отлёживается, дракон до следующего раза ходит пустым и злым. Старики рода говорили, что бывает иначе. Что одно тело на тысячи подходит по-настоящему, и с таким буря уходит за ночь, как молния в хорошую землю. Для меня это были сказки про золотые жилы.

Но с ней гон и правда прошёл за одну ночь.

Я проснулся до рассвета пустым и тихим, каким не был двадцать лет, и первое, что я почувствовал, было не облегчение. Было желание остаться. Рядом лежала чужая невеста, проданная мне на ночь будущей свекровью за чешую. Тело как тело, девочка с закушенными губами, и мне хотелось остаться с ней в этой комнате, и это было настолько недопустимо, что я оделся за две минуты.

Чешую я ей бросил. Помню. Сделал это намеренно, ей и себе в объяснение, чтобы обозначить сделку сделкой.

Неделю спустя я стоял на её свадьбе и смотрел, как она говорит «да» человеку с лицом приказчика из хорошей лавки. Злость во мне поднялась глухая, без адреса, и я съел её, как ел всякую. Тем более что всё сходилось. Невеста выбрала выгоду и получила своё. Дом, имя, наследство. Эту арифметику я выучил двадцать лет назад, когда другая женщина подбила счёт при мне вслух и вышла за титул. С тех пор она не подводила ни разу. Все считают. Эта просто сосчитала лучше многих.

Потом пришло письмо печатными буквами. Потом она сама, в чужом плаще, на седьмом месяце, через весь город пешком.

И формула перестала сходиться.

Женщина из этой формулы не топит собственный выигрыш. Не сдаёт дом, в который вложила себя. Не сидит напротив меня с прямой спиной и не говорит сухим голосом «отец мне дороже мужа». Я допрашивал сотни людей и сам вру профессионально, поэтому чужую правду слышу с одной фразы. Она говорила правду. Неполную, обрезанную по краям, но правду.

Эта нестыковка меня и злила. Я не люблю того, чего не понимаю.

Холт вошёл без стука, что означало одно — дело.

— К вам посетительница, господин комендант. Леди Корнелия Эшфорд. Настаивает.

— По какому вопросу?

— Не говорит. При ней шкатулка.

Что лежит в шкатулке, я понял раньше, чем она переступила порог. Если к дракону приходят без предупреждения, наедине и с малой окованной шкатулкой в руках, значит в шкатулке лежит его собственная чешуя.

В хрониках моего рода таких приходов записаны десятки, и все на одно лицо. С чешуёй не приходят благодарить. С ней приходят просить, и приходят в худший день своего дома.

Корнелия Эшфорд вошла прямо, села, куда указано, и спину держала так, будто это она меня вызвала. Крепкая порода. Сын против неё жидковат. Она переждала положенную паузу, открыла шкатулку и повернула её ко мне через стол.

Чешуя лежала на синем бархате. Моя. Отданная за ночь, ушедшая после свадьбы в род, как положено, и вернувшаяся ко мне в окованной шкатулке, не пробыв в чужом роду и года. Я смотрел на неё и испытывал чувство, которому не было приличного названия.

— Мне известен закон чешуи. — Она смотрела не на чешую, а на меня. — Право одной просьбы к вручившему. Я пришла воспользоваться этим правом.

— Право принадлежит роду Эшфорд.

— Я и есть род Эшфорд. — Она сложила руки. — Тридцать лет я держу этот дом. Всё, что в нём есть, прошло через мои руки.

Я ждал. Формулировка просьбы делает просьбу. Так учат у нас с детства: дракон исполняет сказанное, а не задуманное, слово в слово, и горе тому, кто формулирует второпях.

Корнелия не спешила. Дом обложен, сын под вопросами, пристань молчит, но заговорит, и всё это она знала не хуже меня. Потом она наклонилась вперёд и выложила своё, заранее продуманными словами.

— Я прошу неприкосновенности для себя. Что бы ни открылось в деле, которое вы ведёте, чем бы оно ни кончилось для кого угодно, меня не коснётся ни арест, ни суд, ни приговор. Такова моя просьба.

Для себя. Не для дома, который она держит тридцать лет. Не для сына. Не для внука, которому и месяца нет.

Слово «род» она употребила, чтобы обосновать право, и выбросила его, когда дошло до сути.

— Формулировка принята. Чешуя разряжается просьбой. Подтверждаете?

— Подтверждаю.

Я накрыл чешую ладонью. Старый жар прошёл от неё вверх по руке и погас. Пластина посерела, будто из неё вынули ночь, которой она была оплачена. На синем бархате остался красивый кусок хитина.

— Ваша просьба принята и исполнена. Слово рода де Варг. В этом деле вы неприкосновенны для имперского правосудия, леди Эшфорд. Что бы ни открылось.

Она выдохнула одними ноздрями, коротко, но я услышал. Потом поднялась, оправила юбки и пошла к дверям, унося пустую шкатулку, и у дверей обернулась.

— И вот ещё что, господин комендант. — Голос у неё был почти домашний. — Сына, когда до этого дойдёт, берите первым. Он слаб и наделает глупостей.

Глава 15

Корнелия вернулась на другой день к вечеру.

Я услышала карету и вышла на галерею. Свекровь поднималась по лестнице, спокойная, отдохнувшая, будто ездила к старой подруге на чай. Дорожная накидка через руку, шкатулка под накидкой. Она увидела меня, кивнула и прошла мимо, к себе.

— Всё хорошо, дитя моё, — сказала она на ходу. — Ложитесь. Вам нельзя волноваться, у вас молоко.

Больше она не сказала ничего. Ни в тот вечер, ни после.

А через три дня я увидела шкатулку. Горничная несла её вниз, в кабинет, открытую, пустую, с вмятиной на синем бархате.

Чешуи больше не было. Свекровь свозила её к дракону и вернулась спокойная. Значит, право одной просьбы истрачено, и я не знала, на что. В этом было самое плохое. Если она попросила за дом, за весь род, за всех Эшфордов разом, то мой суд, мой единственный суд, к которому я шла так долго, умер в казённом кабинете, пока я кормила Тео.

Я качала сына, смотрела в темноту и перебирала слова, которые могла сказать Корнелия. Выходило по-разному. Я плохо спала эти ночи.

А провинция тем временем трещала.

Новости привозили все, кто въезжал в ворота. Молочник рассказывал кухарке, портниха горничным, баронесса мне лично, с подробностями, от которых у неё самой делались круглые глаза. Взяли смотрителя брода. Взяли писаря из управы, тихого человечка, который двадцать лет ставил печати и ни с кем не ссорился. Взяли ещё возчиков, теперь уже наших, здешних. По дорогам стояли посты, на пристани день и ночь работали чужие люди, и через город, все видели, провезли под охраной подводу с ящиками.

Я слушала, кивала, ужасалась, где положено. Кольцо медленно сжималось.

Дэмиан держался неделю.

Сначала он ездил. К стряпчему в город, к каким-то людям, которых называл партнёрами, снова к стряпчему. Возвращался серый и пил у себя. Потом ездить стало не к кому: кто-то сидел, кто-то не принимал, а Реннер, единственный, кто принимал, купил у него двух жеребцов и выездную коляску, и я поняла, что мой муж собирает деньги.

За ужинами он говорил о погоде. Резал мясо, хвалил повара, спрашивал, как Теодор. Руки его я старалась не видеть: ножи и вилки в них стали жить отдельной жизнью, звякали, срывались, падали. Корнелия сидела напротив, прямая и тихая, и ела с хорошим аппетитом.

Один раз, ночью, я застала его у детской.

Я шла кормить и увидела свет из приоткрытой двери. Дэмиан стоял над колыбелью, в халате, со свечой, и просто смотрел. Долго. Я стояла в коридоре и не входила. Потом он наклонился, поправил одеяльце, и вышел бы прямо на меня, если бы я не отступила в тень.

Лицо у него было усталое. Передо мной был человек, который очень боится и очень не хочет, чтобы это видели.

Мне не стало его жалко. Я запретила себе, и у меня почти получилось. Я помнила фонарь через поле и голос, который сказал «пусть так». Но в ту ночь я впервые подумала о том, что раньше в голову не приходило. Он ведь тоже когда-то был мальчиком, который хватал всех за палец. Что с ним сделали в этом доме, что из него вышло вот это?

Не моё дело. Не моё.

За ним пришли в четверг, к полудню.

Двое верхом, четверо в коляске, и старший теперь был другой, выше чином, с твёрдым голосом.

Нас собрали в холле. Дэмиан вышел сам, одетый, причёсанный, и я поняла, что он ждал их каждое утро, одевался и ждал. Старший развернул бумагу и прочитал вслух, спокойно и внятно. Лорд Дэмиан Эшфорд задерживается по делу о недозволенном обороте железа и боевых артефактов. Дом и имущество остаются под описью. Домашним предписано не покидать провинцию.

Артефактов. Слово грохотнуло в холле и затихло. Одно дело железо. За боевые артефакты в империи одна дорога, и все в этом холле знали, куда она ведёт.

— Это ошибка, — сказал Дэмиан. Голос у него был почти твёрдый. — Я дам все пояснения. Матушка, пошлите за Гроувером, пусть едет следом.

— Разумеется, — сказала Корнелия.

Я стояла со спящим Тео на руках и смотрела на неё. Лицо у Корнелии было ясное, отдохнувшее, руки сложены на животе. Она стояла у лестницы и провожала сына глазами, будто гостя, который слишком засиделся.

И тогда я поняла, на что ушла чешуя.

Ей одной ничего не грозило, вот и весь ответ. Мать купила себе спокойствие и смотрела, как уводят сына.

Меня замутило. Я прижала Тео крепче и дышала ртом, медленно, чтобы не качнуться.

Дэмиана вели к дверям. У самого выхода он вдруг упёрся, обернулся, нашёл меня глазами через весь холл, и лицо у него опять стало усталое.

— Амалия. — Он сглотнул. — Скажи Тео... когда вырастет, скажи ему, что я...

— Идёмте, лорд Эшфорд, — сказал старший.

И его увели.

Ничего не скажу. Своего сына ты отдал на расправу убийцам. А мой о тебе не узнает.

Глава 16

Суд назначили на конец лета.

Три месяца до него прошли, как проходит долгая болезнь. Дом стоял под описью, у ворот дежурил пост, по комнатам ходили чужие люди с бумагами и мелом, и на всём, что можно было продать, появились номера. Корнелия держала хозяйство, будто ничего не случилось. Прислуга разбегалась. Тео резался зубами, орал ночами, и я была ему за это благодарна. С ним некогда было думать.

Меня допрашивали дважды. Оба раза в городе, в управе, вежливо, при писаре. Оба раза вопросы задавал незнакомый чиновник, а Холт стоял у окна и молчал. Коменданта я не видела ни разу. Только под конец второго допроса, подписывая листы, я услышала в коридоре его шаги и голос, коротко, два слова кому-то, и рука у меня дрогнула на подписи. Писарь промокнул кляксу и ничего не сказал.

В середине лета взяли Арджентов.

Люциана и Бинейлу сняли с дороги у самой границы провинции, ночью. Говорили, при них нашли столько, что описывали до утра. Говорили, Люциан молчал всю дорогу и заговорил только в управе, и с этого дня следствие пошло вдвое быстрее. Птица долетела до сетки, а сетку держали крепкие руки.

Селестину не тронули. Она осталась в их городском доме одна, с прислугой из двух человек, и больше её нигде не видели. Я думала о ней иногда, без злости, с холодным любопытством. Перстень с гравировкой так и остался у Дэмиана. Наверное, его тоже внесли в опись.

Суд шёл в городе, в старом зале собраний, три дня.

Я была там дважды. В первый день, со всеми, в чёрном, как положено жене подсудимого. Зал набился битком, съехалась вся провинция, баронесса Клов заняла места себе и золовке с рассвета.

За длинным столом сидели трое имперских судей, присланных из столицы, а сбоку, за отдельным столом, с бумагами, сидел комендант де Варг. Он вёл дело от Надзора и за первый день не сказал и десяти слов. Ему было не нужно. Говорили его бумаги.

Сам он смотрел в эти бумаги, и только дважды за день я поймала на себе его взгляд. Оба раза без повода. Читали список изъятого, говорил чиновник, меня это не касалось никак, а он поднимал голову и смотрел, спокойно, долго, через весь зал, поверх ста чужих затылков, будто в зале, кроме меня, никого не было. Оба раза мне захотелось запахнуть, поднять ворот, прикрыться хоть ладонью, хоть веером. Так я не чувствовала себя даже в спальне восточного крыла, когда стояла перед ним в одной сорочке.

Там он рассматривал тело. Здесь он смотрел куда-то глубже, и что он там искал, я не знала.

Дэмиана я не узнала.

Он похудел так, что сюртук висел на нём, как на жерди, и виски у него стали седые. Тридцать лет ему исполнилось под стражей. Он сидел за барьером рядом с Люцианом, смотрел в пол и поднимал глаза, только когда называли его имя. Люциан держался прямо и слушал так, будто судили кого-то другого.

Обвинение читали два часа. Железо. Артефакты. Имена, половину которых зал слышал впервые. И бумаги, найденные при обыске у Арджентов, подготовленные к делу, которому так и не дали ход. Подложные листы против наместника Вейла с поддельными подписями.

При этих словах зал загудел, а я закрыла глаза. Всё. Вот теперь всё лежало на столе. Отца в этом зале не судили. Его в этом зале спасли, и никто, кроме меня и человека за отдельным столом, не знал, чего это стоило.

На второй день меня вызвали свидетелем.

Я знала, что вызовут, меня предупредили за неделю, и всю неделю я училась дышать. Когда писарь выкликнул моё имя, зал повернулся одним движением, сто голов разом, и в этой тишине я прошла через проход, мимо барьера, мимо Корнелии в первом ряду, к свидетельскому месту.

Дэмиан смотрел на меня непонимающе.

Мне задавали вопросы, я отвечала. Ночные обозы, с осени, дважды в месяц, с четверга на пятницу. Дальний амбар. Вывоз к пристани перед вскрытием реки. Гость без имени. Две книги в бюро, верхняя для гостей, нижняя для своих.

— Свидетельнице знаком этот лист? — Чиновник поднял бумагу, и я узнала свой почерк.

— Знаком. Это копия разворота из нижней книги. Я сняла её сама и передала Надзору.

Вот тут Дэмиан понял. Я не смотрела на него, я смотрела на чиновника, но я услышала, как муж выдохнул. А из первого ряда в меня упёрся другой взгляд, тяжёлый, неподвижный, и висок у меня заныл, как от сквозняка. Корнелия. Здравствуйте, миледи. Да, это была я. Всё это время это была я.

Я отвечала ещё четверть часа и вернулась на место с прямой спиной. Ног я не чувствовала.

К вечеру второго дня дошло до защиты.

Стряпчий Дэмиана был немолодой, опытный и умел говорить просто. Он не спорил с бумагами. Он говорил о другом. Молодой человек, запутавшийся в чужих делах. Воля старших, привычка подчиняться, страх. И семья. У подсудимого младенец-сын, ещё младенец, единственное продолжение рода. Казнить отца при живом сыне, говорил стряпчий, значит казнить и сына тоже, безвинного.

А потом попросили слова у самого Дэмиана, и мой муж встал.

— Высокий суд. — Голос у него был сорванный. В зале стало совсем тихо. — Я виноват. Я знал про железо и молчал, я подписывал, что велели. Я не прошу оправдания. Я прошу... — он сглотнул и вытащил из себя остаток фразы, — не ради себя. У меня сын. Ему три месяца. Я держал его всего несколько раз. Дайте мне срок вместо казни. Любой. Я хочу, чтобы у моего сына был отец. Хотя бы за стеной. Хотя бы живой.

Зал молчал так, что было слышно, как за окнами возят бочку. Баронесса Клов плакала в голос. Средний судья, седой, с лицом усталого деда, снял очки и тёр переносицу, и я видела, как он кивает, медленно, самому себе, и как второй судья наклоняется к нему и что-то шепчет.

Сдвинул. Я почувствовала это кожей, всем залом сразу, будто перемену ветра. Сейчас продавит жалостью до конца. Сейчас ему дадут срок, крепость, двадцать лет, и через двадцать лет человек, давший добро на убийство сына, которым сейчас прикрывается, выйдет седым, а мой сын будет носить его фамилию и возить ему передачи.

Я встала.

Я не помню, как решила. Помню, что стояла, и зал опять поворачивался ко мне, сто голов, скрип скамей, и председатель постучал костяшками по столу.

— Свидетельница желает дополнить?

— Желаю. — Голос у меня не дрогнул. — Высокий суд. Прежде чем вы взвесите просьбу подсудимого, вы должны знать.

Я посмотрела на Дэмиана. В последний раз в жизни я посмотрела на него как жена.

— У лорда Эшфорда нет сына. Ребёнок, о котором он просит, не от него.

Зал не ахнул. Зал сначала замолчал, весь, до последнего человека, на два полных удара сердца, а потом гул поднялся разом, со всех скамей. Кто-то вскочил. Баронесса охнула и села мимо скамьи, золотка ловила её обеими руками. Председатель стучал по столу, и стук утонул в суматохе.

Дэмиан стоял за барьером, держась за него обеими руками, и смотрел на меня, и рот у него открывался и закрывался без звука. Корнелия в первом ряду поднялась во весь рост,

белая, с чёрными глазами, рука у горла, и по пальцам её, вниз, сыпались бусины: нитка жемчуга лопнула, и он прыгал по полу, что было почти не слышно.

А я смотрела через весь этот бедлам на отдельный стол.

Комендант де Варг сидел неподвижно, подняв голову от бумаг, и смотрел на меня сквозь толпу. Я видела, как в золотых глазах искрят мысли. Он считал. Конец лета. Исход весны...

Ночь гона.

Глава 17

Первым опомнился председатель.

Молоток стучал долго, пока зал не стих, и стихал зал неохотно, будто перегретый котёл на углях.

Председатель отложил его, посмотрел на меня поверх бумаг, и лицо у него было уже не дедовское. Службное было лицо.

— Свидетельница сделала заявление, которое меняет положение дел. Суд требует объяснений. Полных. Вы под присягой, леди Эшфорд.

— Я помню, высокий суд.

Зал подобрался. Сто человек перестали дышать разом, чтобы не пропустить ни слова, и в этой тишине я стала говорить. Спокойно. По порядку.

— В прошлом году, за неделю до моей свадьбы, в дом Эшфордов приехал комендант де Варг. У него подошёл гон. Мне объяснили, что по старому обычаю, по праву первого пламени, невеста дома может принять дракона, и что это большая честь для рода. Со мной говорила леди Корнелия. Долго, ласково, с «дитя моё» через слово. Мне объяснили, что отказ оскорбит дракона и погубит оба наших рода, а согласие останется тайной между своими. Потом пришёл мой жених и сказал, что будет любить меня ещё сильнее. Слово в слово так и сказал, высокий суд. Ещё сильнее.

Пока я говорила, средний судья листал какой-то свод, нашёл нужное место и показал соседу. Тот кивнул. Право первого пламени стояло в имперских законах, никем не о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.